На правах рукописи

БЛИЗНЮК СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

КОРОЛЕВСТВО КИПР
И ИТАЛЬЯНСКИЕ МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ
В XIII-XV ВВ.

Раздел 07.00.00 - исторические науки
Специальность 07.00.03 — «Всеобщая история»
(средние века)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2016

Работа выполнена на Кафедре истории Средних веков и Раннего нового времени Исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова"

Официальные оппоненты:
Медведев Игорь Павлович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН "Санкт-Петербургский Институт истории РАН".
Лучицкая Светлана Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН "Институт всеобщей истории РАН".
Кущ Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков департамента "Исторический факультет" Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО "Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина".

Ведущая организация: ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный университет" (СПбГУ)

Защита состоится «___» _____ в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д 501.002.12 по Всеобщей истории при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, МГУ, ауд. А-416

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке – Научной Библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27) , а также на сайте www.hist.msu.ru

Автореферат разослан "_____" _____ 201 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук
доцент Никитина Т.В.

Актуальность исследования. История крестоносного движения и возникновения государств крестоносцев на Востоке - одна из фундаментальных проблем европейской средневековой истории. Эпоха крестовых походов - далеко не только история военных экспедиций европейского рыцарства на Восток. Это прежде всего история государств, возникших в результате этих походов. Это крупнейшая миграция европейского населения за пределы Европы со времен великого переселения народов и до открытия Нового света. Накопленные к настоящему времени знания и введение в научный оборот многих новых и разнообразных источников влекут за собой необходимость и обязанность современного исследователя пересмотреть многие устоявшиеся в науке представления о крестовых походах в целом, включая их датировку и мотивации их участников, объяснить принципы экономического и политического функционирования государств крестоносцев, их взаимодействия с мусульманским миром и в целом - углубить наши знания о конкретных событиях и явлениях.

В основу работы положено наше суждение о серьезных изменениях, которые вносятся Римской курией в крестоносную идею после Четвертого крестового похода и завоевания Константинополя его участниками в 1204 г., о переосмыслении задач и направлений деятельности крестоносцев и расширении ареала их действия. На высказанном тезисе строится концепция диссертации, основной идеей которой является гибкость идеологии священной войны, способной приспосабливаться и развиваться в зависимости от конкретных условий и вызовов времени. Процессы, происходившие в крестоносном движении средневековья, и особенности развития территорий крестоносцев показываются в диссертации на примере одного их крупнейших и жизнеспособных латинских государств на Востоке - королевства Кипр. Впервые в историографии всесторонне исследуется роль, отношение, подходы, принципы и задачи Кипрского королевства в крестоносном движении, показывается степень восприимчивости кипрской правящей элитой модификаций крестоносной идеи.

Одной из сложнейших проблем современности являются миграционные процессы. Кипрское королевство неоднократно в своей истории сталкивалось с крупными миграционными потоками. Изучение способов преодоления миграционных кризисов кипрскими монархами может иметь не только научное, но и практическое значение.

Практически неизученными в исторической науке остаются экономика крестоносного движения и экономические мотивации его участников. Представления о примитивных грабежах крестоносцами завоеванных территорий и исключительном меркантилизме итальянского купечества, характерные еще для историографии XIX - первой половины XX вв., не выдерживают критики. Международные отношения Причерноморья, Латинской Романии и Византии позднего средневековья давно и плодотворно изучаются в российской историографии С.П. Карповым и его учениками, а финансовые системы и экономическая интеграция региона представлены в трудах А.Л. Пономарева. Без итальянского купечества невозможно себе представить не только историю торговли Латинской Романии и Леванта, но и историю крестовых походов

позднего средневековья. Без участия итальянских морских республик не обходился ни один крестовых поход этого времени. Однако вопрос мотиваций, влияния, реальных целей и задач итальянских морских республик в крестоносном движении во многом остаются за рамками внимания исследователей. Остается без объяснения и вопрос их способности сочетать христианский долг с нормальным для любого коммерсанта желанием получать максимальную прибыль в землях правителей, против которых, казалось бы, направлялся меч крестоносцев. Таким образом, в настоящее время в науке назрела необходимость выявить экономическую составляющую крестоносного движения. Это во многом возможно только при анализе дипломатический линии поведения каждой из сторон - участниц политического процесса взаимоотношений Востока и Запада. Понимание функций европейского купечества на Востоке, целей их деловой и политической активности в свою очередь позволит оценить потенциал и пределы мирного сосуществования латинян с мусульманскими соседями, показать степень политической и экономической самостоятельности государства крестоносцев, в нашем случае Кипра, в вопросе защиты европейских интересов в Восточном Средиземноморье, возможности его выживания и способы преодоления миграционных кризисов, экономических блокад и торговых войн, с которыми не раз сталкивалось королевство Лузиньянов в ходе своей истории. Исследование названных проблем на примере Кипрского королевства имеет большое теоретическое значение, ибо позволяет понять и объяснить принципы существования и развития многих других крестоносных территорий. Выявленные в диссертации закономерности развития экономики, политики, дипломатии, культуры крестоносного государства и итальянских торговых республик во многом остаются актуальными и для современного мира. Понимание фундаментальных основ отношений мусульманского Востока и латинского Запада, построенных не без помощи и активного участия Кипрского королевства, может помочь разрешить многие противоречия современных представлений в восприятии друг друга.

Предметом исследования является комплексное изучение истории королевства Кипр, его роли и места в крестоносном движении, механизмов экономического управления, миграционных процессов, экономических войн, вызванных крестовыми походами и развитием европейского предпринимательства на Кипре, взаимодействия культур и формирования нового этнокультурного общества на острове, политико-экономических и культурных связей с европейскими странами, особенно с итальянскими морскими республиками Генуей и Венецией. История колонизации генуэзцами кипрского порта Фамагусты связывает предмет исследования с изучением средневековой урбанистики. Определение феномена и специфики кипрского города, оказавшегося под властью Генуи, существенно добавляет материал и расширяет современные знания в названной области исторической науки. Под колонией мы понимаем территорию, управляемую исключительно из метрополии. Любые другие формы поселений и освоения территорий не являются колониями в политическом смысле. Любые формы зависимости территории от местной власти автоматически превращают колонию в факторию.

Объектом исследования является Кипрское королевство в его взаимодействии с итальянскими морскими республиками Генуей и Венецией в эпоху крестовых походов позднего средневековья.

Цели и задачи исследования.

- Выявить на примере Кипрского королевства особенности крестоносного движения позднего средневековья, роль Кипра и итальянских морских республик в названном процессе.
- Встроить историю Кипрского королевства в контекст крестоносного движения.
- Ввести в научный оборот многочисленные неопубликованные документы и материалы архивов и рукописных собраний Италии, Германии, Франции, касающихся истории Кипра.
- Суммировать накопленные знания по истории Кипрского королевства, распыленные в сотнях статей и небольших монографиях, написанных на разных европейских языках.
- Определить отличительные черты в дипломатических подходах и методах Генуи и Венеции к колонизации Кипра.
- Показать экономические задачи итальянцев в Кипрском королевстве, что обязывает уделить особое внимание политике итальянских морских республик в отношении государства Лузиньянов.
- На основе большого комплекса архивных документов по истории кипро-генуэзских отношений и генуэзской колонии в Фамагусте досконально изучить структуру и принципы городского управления, штат генуэзских чиновников и их функции, способы обеспечения безопасности и снабжения колонии, налоговую систему и особенности организации торговли в городе, благотворительность коммуны и досуг жителей города. Поставленная задача продиктована тем, что территория острова в 1373 г. была разделена между кипрскими королями и Генуей. Раздел острова открыл новую эру в кипро-генуэзских отношениях, что заставляет выделить историю генуэзского Кипра в самостоятельный раздел работы: два государства - две истории. ,
- Определить методы внедрения Венеции в экономику Кипра, возможности, пути и причины присоединения острова к венецианским владениям.
- Проанализировать особенности венецианской миграции на остров и ее отличия от генуэзской практики.
- Выяснить причины, пути и условия миграции киприотов в страны Западной Европы.
- Определить степень интеграции Кипра в межкультурный диалог. Осознать взаимодействие островного государства со странами Западной Европы, латинского и мусульманского Востока. Без истории культуры, менталитета и психологии, без представления об образованности общества и состоянии развития науки история любого государства останется неполной и не до конца понятой. Поэтому в исследовании ставится задача изучить процессы, происходившие в истории культуры Кипрского королевства.

Хронологические рамки исследования и регион. Хронологические и территориальные рамки исследования совпадают с историческими рамками существования королевства Кипр с 1192 по 1489 г. и охватывают всю его историю

на острове Кипр. Названный период приходится на эпоху крестовых походов, породивших ряд латинских государств на Востоке, среди которых было и Кипрское королевство. В то же время ряд исторических процессов, как то: миграционные, демографические, этнокультурные, - берущих свое начало в классический период крестовых походов, т. е. до конца XIII в., на Кипре получили свое логическое завершение уже после передачи острова Венеции в 1489 г. Это обстоятельство побудило нас в ряде случаев выйти за пределы указанных рамок и продолжить исследование вплоть до завоевания острова турками-османами в 1570 г.

Расширение в некоторых случаях территориальных рамок исследования и выход за пределы острова Кипр стимулировано ролью Кипрского государства на политической арене всего Восточного Средиземноморья в качестве важнейшего звена в системе международных отношений региона. Неразрывная связь Кипра с его латинскими, мусульманскими и греческими соседями: мамлюкским Египтом, Киликийской Арменией, Византией, Пелопоннесом, Родосом, Критом, Хиосом, Эвбеей и другими островами Восточного Средиземноморья и Эгеиды, - а также с итальянскими морскими республиками Генуей и Венецией заставили нас обращаться к истории и источникам названных регионов для точного и объективного объяснения и понимания роли Кипрского государства в историческом процессе региона в XIII-XVвв.

Источники. История Кипрского королевства эпохи Лузиньянов на удивление богата источниками самых разных жанров, опубликованных и хорошо известных и неопубликованных, хранящихся в архивах и рукописных собраниях: хроники, истории, анналы, трактаты идеологов крестоносного движения, документы, своды законов и судебные протоколы, риторические и эпистолярные сочинения, торговые практики, описи, счетные книги, итинерарии, художественная литература, произведения искусства и музыки. Они различаются между собой по содержанию, языку, происхождению, степени информативности и репрезентативности, компактности или, наоборот, рассеянности материала. Это источники на латинском, греческом, французском, итальянском, испанском, русском и арабском языках, созданных как на самом Кипре, так и в разных странах Европы и Ближнего Востока. Все источники, кроме арабских, использованы в диссертации в оригинале. Сочинения арабских авторов привлекались в переводе на европейские языки.

Источниками первостепенного значения являются документы Государственных архивов Генуи и Венеции, а также рукописные собрания итальянских, немецких, французских библиотек, многие из которых используются в исторической науке впервые. Это прежде всего документы, имеющие юридическую силу: нотариальные акты, постановления и решения государственных институтов, протоколы судебных заседаний. Кроме того, нами широко привлекались архивные источники экономического характера. Неоценимыми по точности и разнообразию информации являются книги счетов казначейства Фамагусты - массарии. Они никогда не публиковались, за исключением небольших фрагментов, и по сей день хранятся в Государственном архиве Генуи. Массарии сохранились не полностью и далеко не все. Во многих случаях до нас дошли лишь их отдельные части. Иногда имеются значительные временные лакуны. Первая сохранившаяся и полная массария относится к 1391 г. Вторая - к 1407-1408 гг. Десятые - начало двадцатых

годов XV в. менее всего представлены источниками Генуэзского архива. Это касается и массарий, и документов собрания Секретного архива Генуи "Diversorum Communis Janue. Filze". Следующая после 1407 г. частично сохранившиеся массарии относятся только к 1435 и 1437 г. А первая полная - датируется только 1443 г. В нашем исследовании мы использовали прежде всего полностью сохранившиеся массарии 1391, 1407, 1443 и 1456 гг., представляющие собой репрезентативную выборку данных, относящихся к разным этапам развития генуэзской колонии. Иногда сведения названных массарий дополняются фактами, почерпнутыми из других книг казначейства Фамагусты, а также Каффы - другой крупнейшей генуэзской колонии. "Статистические по своему характеру и мало еще освоенные материалы позволяют судить о демографической ситуации, о бюджете колоний, об уровне благосостояния населения, о рыночных колебаниях денежных курсов, а также о многом другом, в том числе и об экономической целесообразности содержания европейских форпостов на Леванте в целом"[1]. Временные лакуны массарий восполняются за счет касающихся Кипра постановлений генуэзских оффиций, счетов Маоны Кипра, судебных разбирательств петиций частных лиц и информации нотариальных актов. Все вышеназванные источники дают богатый материал о жизни и деятельности населения генуэзской Фамагусты, функциях ее администрации, ее взаимодействии с королевской властью Кипра, системе безопасности, активности международного рынка, налоговой системе и даже благотворительности генуэзской коммуны города.

Материалы Государственного архива Венеции, прежде всего фонд судей по петициям и некоторые неопубликованные нотариальные акты, позволяют судить о политике Венеции на Кипре, а также обратном процессе миграции киприотов в Италию в период заката Кипрского королевства. Документы из Государственного архива Турина, Центра Национальных архивов Парижа и рукописного собрания Санкт-Петербургского Института Истории РАН используются в диссертации в неизмеримо меньших масштабах и носят прикладной характер для изучения истории внешней политики Королевства.

Некоторые письма кипрских королей или, наоборот, адресованные им, переписанные в XV-XVII вв. и помещенные в картулярии и сборники наряду с другими не имеющими отношения к острову документами, затерялись среди них и остались вне поля зрения историков средневекового Кипра. Таковые нам удалось обнаружить в рукописных собраниях Баварской национальной библиотеки. Здесь же хранится рукопись с сочинениями известнейшего мыслителя XIII в. Михаила Скота, хорошо известная медиевистам, однако никогда не ассоциировавшаяся с историей культуры средневекового Кипра. Рукопись позволила начать отсчет в изучении портретов кипрских королей. Визуальный ряд кипрских монархов восстанавливается нами также по иллюминированным рукописям из собраний Библиотеки земли Вюртемберг, Национальной библиотеки Франции и Государственного архива Турина.

---

[1] Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII-XV вв. М: Изд-во МГУ, 2011 (изд. 2 - М: Изд-во МГУ, 2012). С. 12.

В Российской Национальной библиотеке нами была найдена уникальная и абсолютно неизвестная исследователям рукопись, предствляющая собой дневник нескольких знатных венецианцев, путешествовавших по Святой Земле в XVI в.[2] Рукопись происходит из книжного собрания Пьетро ди Бруски. Она является копией, сделанной с оригинала не позднее начала XVIII в. В 1727 г. на ее переплете сделана пометка, что некий Johannes Baptista Martinus взял ее почитать (legere cepi). В XIX в. рукопись хранилась в библиотеке Бальдассарре Бонкомпаньи в Риме и впервые была описана Энрико Нардуччи в 1862 г.[3] В 1890 г. она упомянута Р. Рёрихтом[4] (по каталогу Нардуччи). На рубеже XIX-XX вв. (после распродажи коллекции Бонкомпаньи) рукопись оказалась в Петербурге и в течение длительного времени, к сожалению, оставалась невостребованной, а потому неизвестной для исторической науки. Судя по всему, копия, хранящаяся в Санкт-Петербурге, - единственный экземпляр дневника венецианских путешественников, дошедшего до наших дней. Рукопись напрямую не связана с историей Кипра, однако она значительно расширяет наши знания о структуре венецианской торговой системы на Востоке, в которую всегда включался остров. Кроме того, сам факт паломничества венецианских купцов есть прямое доказательство совмещения коммерческого практицизма с христианским благочестием, демонстрация которого была столь важна в эпоху крестовых походов. Мы неоднократно в работе пытаемся понять способность венецианцев сочетать крестоносную идею с купеческим прагматизмом, что позволило им оставаться крестоносцами в глазах современников. Вышеназванный текст является в данной связи важнейшим источником для исследования данного вопроса.

Архивные данные дополняются опубликованными источниками разного рода, здесь: дипломатические договоры, папские буллы и письма, ордонансы королей, нотариальные акты, судебные протоколы, судебные тяжбы генуэзских граждан с администрацией их республики на Кипре, постановления венецианских ассамблей и генуэзского Совета старейшин и различных оффиций, бухгалтерские книги и счета, описи имущества, торговые практики, статуты бесценны для изучения фактически всех сторон экономической и политической жизни королевства. Сухие, беспристрастные, точные, однородные, хорошо поддающиеся статистическому анализу, сжатые по форме, но выразительные по содержанию источники несут в себе наиболее полную и объективную информацию о международных отношениях королевства Лузиньянов, системе торговли на острове и ее организации, административно-хозяйственных структурах иностранного купечества, финансах, взаимодействии с собственными метрополиями и местными властями, миграционных процессах, поселениях иноземцев и их повседневной

---

[2] РНБ. Итал. IV. Q. N. 21. Copia del viaggio fatto d'Aleppo di storia in Gerusalemm con il ritorno per Tripoli di Soria del signor Pietro Querini, del signor Bernardino Cornaretto e di messir Bernardino Cole Venetiani.

[3] Catalogo di manoscritti ora posseduti da D. Baldassarre Boncompagni compilato da Enrici Narducci. Roma, 1862 (seconda edizione: Roma, 1892).

[4] Röhricht R. Bibliotheca geographica Palaestinae: chronologisches Verzeichnis der auf die Geographie des Heiligen Landes bezüglichen Literatur von 333 bis 1878 ; und Versuch einer Cartographie. Berlin: Reuther, 1890.

жизни в Кипрском королевстве. Достоверность сведений названных источников трудно оспорить. Главная проблема при работе с ними состоит, однако, в том, что практически все источники такого рода за редким исключением не кипрского, а чаще всего генуэзского или венецианского происхождения. Для исследователя это означает опасность перекоса появляющейся в результате изучения вопроса картины в ту или другую сторону, которая преодолевается только проверкой, сопоставлением и анализом всего комплекса имеющейся информации.

Самыми интересными для чтения и важными с точки зрения интерпретации информации являются нарративные сочинения - хроники и истории средневековых авторов. В первую очередь - это кипрская хронистика и философско-дидактическая литература, представленная грекоязычными авторами Леонтием Махерой, Георгием Бустрониосом и Георгием Лапифом. Остальные кипрские хроники Франческо Амади, Флорио Бустрона и Диомеда Страмбальди написаны на итальянском языке. Наиболее ранняя франкоязычная кипрская хроника "Деяния киприотов" создана в середине XIII в. Все остальные нарративные источники, использованные в исследовании, некипрского происхождения. Среди них хроники, анналы, истории, поэмы, баллады, созданные в Иерусалимском королевстве, Византии, Египте, Генуе, Венеции, Франции, Руси и других регионах Европы. Они разнятся между собой по своей значимости и информативности. Однако каждый из них несет свой взгляд "со стороны" на события, разворачивавшиеся на Кипре, на участие в них соотечественников авторов этих сочинений, осмысление ими места Кипрского королевства в их истории. В их ряду особенно важны хроника архиепископа Гийома Тирского и его продолжателя для раннего периода истории Кипрского королевства и истории династии Лузиньянов; "Сон старого пилигрима" и "Житие св. Петра Томаса" французского автора Филиппа де Мезьера (1326-1405); песни о взятии Александрии в 1365 г. французского поэта Гийома Машо; сочинения итальянских гуманистов Франческо Петрарка, Колуччо Салютати, Джованни Боккаччо, Леонардо Джустиниани. Кипрские рефлексии встречаются также в литературно-художественных произведениях Джеффри Чосера и Франсуа Вийона. Византийские историки Георгий Пахимер и Иоанн Кантакузин важны для нас в первую очередь как интерпретаторы событий, связанных с турецкими завоеваниями окружающего Кипр мира; Никифор Григора - как апологет кипрского короля Гуго IV Лузиньяна. Краткие сведения о кипрских событиях XII-XV вв. содержатся также в "Византийских малых хрониках". В XVI-XVII в. начинается изучение и осмысление кипрской истории потомками кипрских королей и кипрской аристократии эпохи Лузиньянов. Их сочинения также послужили для нас источниками и были использованы в исследовании.

Более сухими, сжатыми по изложению, но от того не менее важными для нас являются венецианские и генуэзские анналы, сообщающие ценную информацию об отдельных эпизодах истории Кипра. Это взгляд на кипрскую историю с другой стороны - стороны, стремящейся высветить собственную роль в событиях, которые представляли интерес для самих итальянских морских республик, в как можно более благоприятном и выгодном свете. Тем не менее, некоторые аспекты кипро-венецианских или кипро-генуэзских взаимоотношений XIV-XV вв. отражены на страницах указанных хроник-анналов наилучшим по сравнению с другими

источниками образом. Весьма интересно позиционирование генуэзскими и венецианскими авторами роли и значимости правительств и граждан своих республик в кипрских событиях, а также сведения об их конкретных действиях, которые иногда невозможно почерпнуть в других источниках. Анналы Святой Земли, наоборот, уточняют некоторые события раннего периода истории Кипрского королевства и также не могут игнорироваться в нашем исследовании Практически ту же функцию "взгляда со стороны", что и итальянские нарративные источники, выполняют арабские авторы XIII-XV вв.

Наверное, самую экзотическую группу нарративных источников о Кипре представляют собой русские летописи и записки русских паломников. Экзотическую потому, что русские летописцы, в целом, были исключительно индифферентны к крестовым походам, государствам крестоносцев, крестоносным идеям. Тем не менее, представления русских людей нашли свое отражения в Троицкой и Никоновской летописях, в которые включен довольно пространный для русских летописей рассказ о взятии Александрии кипрским королем Пьером I. Кроме того, Троицкая летопись сообщает уникальную деталь о вмешательстве в войну крестоносцев против Египта византийского императора Иоанна V Палеолога, о чем, кстати, умалчивают кипрские хронисты. В то же время нельзя сказать, что на Руси были хорошо осведомлены о том, что происходило на Кипре. Сведения об острове были слишком фрагментарны и спорадичны, чтобы не получить некоторой фантастической и мифологизированной окраски. Они доходили до русских людей от паломников, которые по пути в Святую Землю, иногда посещали остров Лузиньянов. У кого-то из них возникало желание записать свои впечатления в своих так называемых "хожениях" ("хождениях"). Наиболее информативными для нас являются записки игумена Даниила и инока Зосимы. Даже если в русских источниках можно обнаружить некоторые неточности, встречающиеся неверные имена собственные, некоторую легендарную информацию о Кипре, все же само восприятие острова русскими людьми как части христианского мира весьма примечательно. Близкими по жанру к русским "хожениям", но значительно более многочисленными, являются итинерарии и записки западноевропейских паломников и путешественников.

Таким образом, в диссертации максимально используется весь комплекс неопубликованных и опубликованных источников самых разных типов и содержания. Комплексный анализ различных типов источников позволил представить полную картину событий во всем их многообразии, расширить возможности отдельных типов источников, а также избежать ошибок или недостоверности, нередко сообщаемых средневековыми авторами.

Степень изученности темы. Научное изучение истории Кипра, равно как и систематический поиск и издание первоисточников берет начало в середине XIX в. Начать отсчет возможно от издания Беньо "Иерусалимских ассиз", ордонансов королей и генеалогий латинских родов Иерусалимского королевства, ибо история Кипрского королевства прочно связана с первым государством крестоносцев на Востоке. Однако первым историком Кипра был французский исследователь Луи де Мас Латри - основоположник собственно кипрской историографии, собиратель и издатель кипрских источников, первый исследователь истории взаимоотношений

королевства со странами Запада и Востока, топографии острова, генеалогии кипрской знати, истории латинской церкви в королевстве Лузиньянов. Его дело продолжил его сын Рене де Мас Латри, полностью опубликовавший хроники Ф. Амади, Ф. Бустрона и Д. Страмбальди.

Распространение с середины XIX в. позитивистских воззрений на историю определило интерес историков к факту и документу, что привело к основательному анализу большого комплекса источников и способствовало продолжению их поиска. Практически до середины XX в. шел процесс накопления источников. Начатая французскими историками кипрская тематика, в скором времени становится международной, подобно изучению истории Византии, крестоносного движения или левантийской торговли. К ней обращаются исследователи Англии, Германии, Италии, Румынии, а со второй половины XX в. также Израиля, США, Греции, собственно Кипра и других стран. Первый, кто обратился к изучению экономических связей Кипра с торговыми государствами Западного Средиземноморья, был немецкий ученый В. Гейд. Именно он увидел Кипр в единой системе левантийской торговли XIII-XV вв. Труды Л. Мас Латри и В. Гейда открыли путь для изучения торгово-экономической, социальной и политической истории Кипра эпохи Лузиньянов. Продолжается поиск, публикация и анализ архивных документов. Выходят в свет первые публикации из собраний Государственного архива Генуи и Венеции. Результаты этой работы представлены в исследованиях и публикациях К. Десимони, К. Колера, Делавиля ле Руля, Н. Йорги. К. Энлар впервые обращается к изучению архитектуры и искусства латинского Кипра и создает труд, который и по сей день является основным руководством, отправной точкой для всех интересующихся этой областью кипрской культуры. В. Стабс пишет концептуальную работу о становлении феодализма на Кипре, который связывает непосредственно с завоеванием острова крестоносцами. Первые научные портреты королей династии Лузиньянов появились в работах К. Херкета.

В межвоенный период был опубликован ряд важнейших источниковедческих работ Р.М. Доукинса. Он же делает первые научные издания с подробными комментариями, лингвистическим, топографическим, ономастическим анализом и переводами на английский язык двух важнейших кипрских хроник Леонтия Махеры и Георгия Бустрониоса. Р.М. Доукинс положил также начало изучению кипрского диалекта среднегреческого языка. Тогда же Р. Лефевр, В. Витале, Р. Пьяттоли начинают изучение отдельных сторон взаимоотношений Кипра с другими средиземноморскими государствами. Выходит в свет научно-популярная история Кипра Ф. Ньюмана, призванная скорее привлечь внимание широкого круга читателей к истории острова, чем поставить какие бы то ни было научные проблемы. Первая работа по истории кипрского порта Фамагусты принадлежит перу румынского ученого Н. Банеску. В ней же он публикует ряд важных документов по истории генуэзской Фамагусты XV в. Тогда же берет свое начало археология средневекового Кипра. Основную задачу при этом большинство исследователей этого времени видят опять же во введении в научный оборот архивных документов по истории Кипра. Впервые привлекает внимание

исследователей история именно генуэзской Фамагусты, что связано, несомненно, с разработкой фондов архива Генуи.

Первый обобщающий труд по истории средневекового Кипра, который по сей день остается самым авторитетным, полным и всеобъемлющем исследованием, принадлежит английскому ученому Дж. Хиллу. Продолжая работать в лучших традициях позитивизма, историк собирает и анализирует весь комплекс самых разнообразных источников по истории острова, исследует вопросы политического, экономического, социального развития, проблемы культуры и искусства королевства Лузиньянов. Впервые предпринимается попытка объяснить политическую историю спецификой социального и экономического развития королевства. История написана в хронологическом порядке, что дало возможность восстановить последовательность событий, а вместе с ними и процессов, происходивших в островном латинском государстве. Основное внимание уделяется личностям королей династии Лузиньянов, по периодам правления которых историк делит хронологически исторический процесс Кипра XIII-XV вв. Короли показываются на широчайшем фоне внешне и внутриполитических событий, взаимодействий с другими государствами, государями, политическими деятелями как Запада, так и Востока. Взаимоотношения Кипра с итальянскими морскими республиками рассматриваются как одна из важнейших страниц истории острова Лузиньянов. В то же время хронологический принцип исследования порой приводит к запутанности и переплетению проблем, перегруженности фактами, становящимися основными объектами исследования, ускользанию важнейших крупных и, наоборот, выходу на первый план незначительных событий. Между тем, авторитет историка настолько довлел над всеми его последователями, что на долгие годы оставлял данные им оценки некоторых событий и исторических личностей непререкаемыми. Лишь в последние десятилетия с углублением изучения различных аспектов истории средневекового Кипра некоторые оценки Хилла стали осторожно пересматриваться, дополняться и уточняться. Тем не менее, Дж. Хилл, подняв или даже вскользь затронув многие проблемы истории Кипра, предопределил многие последующие направления исследований.

Качественно новый этап изучения истории королевства Лузиньянов приходится на 1960 - 1990-е годы. Создание достаточно мощной базы источников, накопленный в историографии предшествующего периода опыт изучения истории средневекового Кипра, способствовали появлению новых аспектов и ракурсов в исследованиях. Помимо разработки ставших уже традиционными вопросов войны и мира между Кипром, его соседями и западноевропейскими государствами, появляются качественно новые работы по истории латинской кипрской церкви, культуры, демографии, права, торговли и других областей знания. Даже обычная для кипрской историографии проблема "международных отношений" понимается шире и глубже. Кипрское королевство начинает постепенно встраиваться в единую международную систему Средиземноморья, рассматриваться как государство крестоносцев, являющееся проводником крестоносной политики на Востоке и носителем крестоносной идеи. Роль создателя современной кипрской историографии воистину сыграл французский исследователь Ж. Ришар. Он впервые поднял вопросы о проникновении итальянского купечества в различные

сферы экономической жизни острова, колонизации кипрской деревни, эксплуатации природных и земельных ресурсов новыми латинскими сеньорами острова, истории права, места и роли различных этнических и социальных групп в кипрском обществе, взаимодействия между ними. Впоследствии эстафету в этой области принял П. Эдбери. Он же по сути своими трудами призвал мировое сообщество ученых обратить внимание на Кипр именно как на государство крестоносцев и задуматься о крестоносной политике его монархов. В наибольшей степени названная тематика в настоящее время находит отражение в исследованиях польского коллеги Л. Буркиевича.

Однако новый взгляд на историю крестоносных государств стал возможен только после открытия значительных комплексов архивных материалов по истории венецианской и генуэзской Романии и создания на основе их анализа всесторонних комплексных исследований Ф. Тирье, С.П. Карповым и М. Баларом. Работы названных авторов суммируют знания, рассыпанные в сотнях статей и небольших заметках ученых разных стран, и по сей день определяют современные направления исследований по истории Латинской Романии в целом. История венецианцев и венецианской знати на острове представлена в работах Б. Арбеля. Публикация генуэзскими архивистами В. Полонио, Р. Павони и их французским коллегой М. Баларом нотариальных актов Ламберто ди Самбучето способствовала подъему интереса к истории Фамагусты, ее особому юридическому статусу, детальному исследованию ее населения, топографии, социального и этнического состава иностранного купечества, международной торговли на Кипре, налоговой системы и экономики в целом. Эти вопросы широко представлены в работах М. Балара, Ж. Ришара, Х. Э. Майера, Д. Якоби, К. Оттен-Фру, Л. Баллетто, С.В. Близнюк, П. Эдбери, Н. Куреаса, В. Полонио, Ж. Гриво. Одновременно это был старт для поиска, детального изучения и дальнейших публикаций многочисленных документов по истории Кипра из фондов Государственного архива Генуи. Трудами Ф.Г. Майера и М. Л. фон Вартбург сделан колоссальный шаг вперед в области кипрской археологии, давшей новые материальные источники и, как следствие, новое исторические знание. Именно благодаря их раскопкам на юге острова были найдены мастерские по производству знаменитого во всем Средиземноморье кипрского сахара и стали известны детали его изготовления. Изучением истории кипрской знати многие годы занимался В. Рюдт де Колленберг. Несмотря на ряд неточностей и недочетов, имеющихся в его работах, результаты его исследований по сей день остаются непревзойденными.

В 1970-е годы поднимается кипрская национальная историография, долгое время остававшаяся на периферии мировой науки. Происходит это во многом благодаря научной и организационной активности К. Кирриса, который затронул практически все стороны истории Кипрского королевства от его политического развития до разработки проблем, связанных с демографией, топонимикой, образованием и присутствием киприотов в европейских странах особенно после присоединения острова к венецианским владениям. Создание Центра научных исследований, директором которого долгие годы был К. Киррис, и университета в Никосии, несомненно способствовали формированию новой национальной школы и появлению плеяды исследователей, в сфере интересов которых находятся самые

разнообразные области истории средневекового Кипра и которые являются экспертами по многим вопросам одновременно: в области археологии, права, политической истории, культуры, литературы, искусства и архитектуры, истории латинской церкви, международных отношений Кипра эпохи Лузиньянов (И. Пападопулос, Е. Аристиду, А. Пицилидес, А. Николау-Коннари, Н. Куреас, Кр. Шейбел, А. Байхаммер).

В современной историографии активно разрабатываются вопросы межкультурного и межконфессионального диалога, коммуникаций и обмена между народами, населявшими и пребывавшими на Кипре, особенности кипрской литературы, ренессансные тенденции в кипрской культуре, история музыки и театра в королевстве Лузиньянов. Продолжается глубокое изучение истории кипрского средневекового искусства. Кроме того, невозможно отделить кипрскую историю эпохи Лузиньянов от истории крестоносного движения, Византии и других стран Средиземноморья. С политической и культурной точек зрения Кипрское королевство является неотъемлемой частью Латинской Романии, сформировавшейся как географическое понятие в эпоху крестовых походов благодаря образованию на территории Византийской империи государств крестоносцев и появлению многочисленных колоний и опорных пунктов итальянских торговых городов в регионе. В экономическом плане Кипр был важнейшим звеном в системе средиземноморской международной торговли. Остров являлся пограничной территорией между двумя крупнейшими торговыми регионами: Латинской Романией и Ближнем Востоком, - где европейское купечество было особенно активным. Поэтому компаративный анализ социальной и экономической истории итальянских колоний и факторий, их административного устройства и юридического статуса, их торговой навигации, монетного обращения, принципов взаимодействия с местными властями и местным населением как на Кипре, так и в других областях Романии остро необходим. К счастью, к настоящему времени накоплен богатый материал в этой области как в отечественной, так и зарубежной историографии. В данной связи для нас чрезвычайно важны труды многих византинистов и медиевистов, которые занимались историей средиземноморской и черноморской торговли, историей Латинской Романии и крестоносным движением. Это работы С.П. Карпова, А.Л. Пономарева, С.И. Лучицкой, Дж. Пистарино, Э. Аштора, Ж. Эрса, Ф. Тирье, Д. Якоби, М. Балара, Ф. Мелиса, Б. Кедара, Л. Баллетто, А. Лэттрелла, Г. Муссо, А. Пертузи, С. Рэнсимэна, Дж. Райли-Смита, Э. Захариаду и многих других коллег, чьи имена мы не в состоянии полностью перечислить, но чьи работы оказались для нас исключительно важны хотя бы для того, чтобы увидеть развитие Кипрского королевства в общеисторическом контексте, разобраться в процессах, характерных для всего региона; а иногда, наоборот, понять детали взаимоотношений острова Лузиньянов с его латинскими, греческими или мусульманскими соседями.

В конце 1970-х в 1980-е годы были попытки обратиться к истории островного государства крестоносцев в отечественной историографии. Выходит в свет интересное исследование "кипрского цикла" в древнерусской литературе О.А. Белобровой; изучению русско-кипрских культурных и церковных связей посвящает свою статью архимандрит Августин (Никитин); первые, но очень

важные и многообещающие шаги в изучении межкультурных кипро-византийских отношений и кипрского общества делает Г.В. Сметанин. К сожалению, первые подходы российских коллег к кипрской тематике по каким-то причинам не получили своего дальнейшего развития. Однако в это же время в российской историографии начинает активно изучаться история колонизации, торговли, политики итальянских морских республик в Латинской Романии, особенности развития поздневизантийских и левантийских городов. Трудами С.П. Карпова и его учеников: А.Л. Пономарева, Н.М. Богдановой, С.В. Близнюк, В.Г. Ченцовой и других, - создается научная школа, изучающая вышеназванные проблемы на примере разных областей Романии: Трапезунда, Каффы, Таны, Херсонеса, Пелопоннеса, Кипра. Продолжает развиваться названное направление и поныне. Параллельно трудами С.И. Лучицкой начинается изучение истории первого государства крестоносцев на Востоке - Латино-Иерусалимского королевства. Исследовательница приступает к разработке темы с глубокого источниковедческого и текстологического анализа основного свода законов Иерусалимского, а впоследствии и Кипрского королевств "Ассиз Иерусалима и Кипра". Это дало возможность детально разобраться в особенностях сформировавшегося на Востоке нового латинского господствующего класса, государственных структур и институтов, унаследованных впоследствии в Кипрском королевстве. Одновременно это было начало всестороннего изучения межкультурного взаимодействия местного и латинского населения, формирования представлений друг о друге. Последнее представляется особенно важным для понимания процесса рождения новой цивилизации в условиях Латинского Востока, получившего свое логическое завершение именно при Лузиньянах и венецианцах на Кипре в XV-XVI вв. в виде появления "левантийского" общества и представляющих его "левантийцев". Именно так называли киприотов в Европе XVI в. Невозможно не отметить также достижения российской медиевистики и наших коллег. Под руководством ведущих российских медиевистов А.А. Сванидзе, Н.А. Хачатурян, Л.М. Брагиной были созданы научные группы, много сделавших и продолжающих делать для изучения истории средневекового города, государства и государственных институтов, культуры Западной Европы эпохи Ренессанса. И хотя проводимые исследования касаются других регионов Европы, научные направления, заданные в рамках названных проектов, не могут не учитываться и не оказывать влияния на наше исследование.

XXI в. внес свои коррективы в историографию Кипра. Современная наука становится все более коллективной. Речь идет не только об усложнении или углублении проблем уже поставленных и разрабатываемых, о которых мы сказали выше, но и об их своеобразной специализации с разделением тематики между учеными. Это стало возможным благодаря проведению узкоспециальных международных конгрессов, позволивших объединить усилия ученых разных стран в разработке отдельных аспектов кипрской истории: изучение творчества Филиппа де Мезьера, роли Катерины Корнаро в истории королевства, истории и искусства Фамагусты, генуэзского и венецианского Кипра, кипрской литературы или истории дипломатии региона. "Коллективный разум" способен с большим успехом охватить всю массу источников и историографический опыт, накопленные в науке к

настоящему времени. Огромную роль в организации такого рода исследований играют кипрские коллеги Н. Куреас, Кр. Шейбел, А. Николау-Коннари, много делающие для популяризации кипрской истории в современной науке. Проблема, однако, заключается в том, что крупных, обобщающих современных работ по истории средневекового Кипра с максимальным охватом опубликованных и архивных источников, равных "Истории Трапезундской империи", написанной С.П. Карповым[5], до сих пор не существует. Наша работа призвана в какой-то степени восполнить образовавшуюся лакуну.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу работы составляет принцип историзма, предполагающий рассмотрение явлений и процессов в контексте конкретных исторических условий и динамике развития. Комплексное видение исторического процесса определило многолинейность анализа с применением антропологического, политико-правового, социо-культурного, текстологического, терминологического, компаративного, имагологического методов. Это позволило выделить закономерности и особенности развития Кипрского королевства в ряду других государств крестоносцев в эпоху европейского крестоносного движения, глубже проникнуть в суть событий, явлений и процессов.

Научная новизна. Представленная диссертация во многом призвана восполнить имеющуюся в исторической литературе лакуну, поскольку в мировой историографии комплексных монографических исследований по истории Кипрского королевства не так много; в российской медиевистике история средневекового Кипра по сей день остается вне поля зрения исследователей. Исключение составляют лишь несколько наших предыдущих монографических исследований и ряд статей. Работа носит комплексный характер. В ней впервые в историографии история Кипрского королевства встраивается в историю крестоносного движения и рассматривается именно как история государства крестоносцев; дается максимально полная картина взаимоотношений Кипрского королевства с итальянскими морскими республиками с выявлением их роли, функций, задач в крестоносном движении; определяются методы колонизации и цели европейских миграций на Восток и обратной миграции киприотов в Европу; акцентируется особое внимание на проблеме межкультурного обмена народов Востока и Запада. Исследование в значительной степени построено на архивных материалах и рукописях, многие из которых вводятся в научный оборот и анализируются впервые. В максимально полном объеме привлекаются данные опубликованных источников на многих языках. Исследование является синтезным логическим завершением нашей многолетней работы, связанной с изучением истории Кипрского королевства в XIII-XV вв.

Практическая значимость исследования. Проведенное исследование позволяет существенно расширить знания об одном из важнейших государств крестоносцев на Востоке королевстве Кипр, уточнив на его примере цели и задачи крестоносного движения, особенно в позднее средневековье. Работа позволяет пересмотреть многие устоявшиеся и во многом ставшие уже легендарными

[5] Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб: Алетейя, 2007.

представления о крестоносцах и их деяниях, а также существенно расширить имеющиеся в литературе знания за счет оценки места и роли итальянского купечества в крестовых походах и его деятельности на острове Лузиньянов. Исследование обеспечивает возможность для дальнейшего осмысления особенностей развития других государств крестоносцев Латинской Романии и компаративного анализа полученных результатов. Фактический материал, собранный в диссертации, может использоваться при чтении лекций по истории средних веков и спецкурсов по истории крестовых походов, проведении семинарских занятий, написании учебников и учебных пособий по истории государств крестоносцев на Востоке.

Апробация материалов исследования. Основные положения и результаты исследования изложены в четырех монографиях и серии научных статей на русском, немецком, английском и итальянском языках общим объемом 142 авторских листов. Материалы исследования также неоднократно представлялись на всероссийских и международных конгрессах, круглых столах и в персональных докладах:

1.Taxation of Trade in Cyprus in the 13th to the First Half of the 14th Centuries // XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Moscow, August. 1991.

2. “La dolce vita” dei Genovesi a Cipro // Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI-XVI). Genova. 19-20 aprile. 1994.

3. I Genovesi a Costantinopoli ed Adrianopoli alla meta del XV secolo // XIXth International Congress of the Byzantine Studies. Copenhagen. August. 1996.

4. Медицина и фармакология в государствах крестоносцев на Востоке в XII-XV вв. // Ломоносовские чтения. Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Апрель. 1996.

5. Иностранцы при дворе кипрских королей в первой половине XIV в. // Всероссийский конгресс византийских исследований. Москва, 1997.

6. Цена королевских войн в XIV-XV вв. // Конгресс памяти члена-корреспондента АН СССР З.В. Удальцовой. Москва, МГУ. Исторический факультет. 1998.

7. Война и казна кипрских королей в XIV-XV вв. // Всероссийский конгресс византийских исследований. Барнаул, 1998.

8. Король Кипра Пьер I Лузиньян // Российский конгресс "История королевских дворов" Европы. Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. 1998.

9. The Crusaders of the Later Middle Ages. The King of Cyprus Peter I Lusignan // International Congress “Military Orders and the Crusades”. Budapest, February 1999.

10. Публичная лекция. "Political and economic Relations of Cyprus in the XIII/XIV centuries. Central European University. Budapest. February. 2000.

11. Публичная лекция. "Cyprus in the System of the International Trade Relations in the XIII-XIV centuries". University of Cyprus. Nicosia. 2 November. 2000.

12. Che bello vivere a Oriente: il commercio alla veneziano a Cipro e Damasco nel XV secolo" // Il congresso Internazionale "Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII-XV secolo). Venezia. December. 2000.

13. Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd. // XXth International Congress of Byzantine Studies. Paris. August. 2001.

14. L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo // Il congresso Internazionale "Quarta Crociata: Venezia, Bisanzio, Impero Latino. Venezia. Mai. 2004.
15. Diplomatic Relations between Cyprus and Genoa in the Light of the Genoese Juridical Documents: ASG, Diversorum Communis Ianue, 1375-1480 // International Congress "Medieval Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000-1500: Aspects of Cross-Cultural Communication". Nicosia. 7-9 April, 2006.
16. Публичная лекция. "The Genoese Juridical Documents on the History of the International Relations of the Kingdom of Cyprus in the XIV-XVth Centuries" / Max-Planck-Institut für Europäische Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main. 19 July. 2006.
17. Famagusta on guard: manpower and munition in the Genoese colony on Cyprus. // International Congress " Medieval Famagusta". Nicosia. 25-26 October. 2008.
18. Близнюк С.В. - организатор круглого стола "Cyprus between the East and the West" // The 22an International Congress of Byzantine Studies. Sofia. 22-27 August 2011.
19. Доклад: Bliznyuk S.V. Cypriots in Europe in the XIV-XVth centuries // The 22an International Congress of Byzantine Studies. Sofia. 22-27 August 2011.
20. Первый гуманитарный фонд Пьерто ди Кафрано на Кипре // Ломоносовские чтения. Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. 2011.
21. Венецианские мигранты на Кипре в 13-15 вв" // Migrationen im mittelalterlichen Jahrtausend Kulturwissenschaftliche Ansätze" Deutsches Historisches Institut. Moskau. Mai. 2012.
22. Адмирал Пьетро ди Кафрано – меценат Кипра // Международная конференция "Меценатство и собирательство в эпоху Ренессанса". Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Октябрь. 2013 г.
23. Налоговая система в генуэзской Фамагусте в к. XIV-XV вв. // Ломоносовские чтения МГУ, Исторический факультет. Апрель. 2014.
23. A Sacral Budget of the Genoese Famagusta // International Congress "Sacrum in the City: Cultural, Religious and Social Aspects". Kracow. 25-27 November. 2015.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Каждая глава включает в себя разделы, посвященные отдельным проблемам.

Основное содержание работы

Во введении дается общая характеристика темы исследования, обосновывается ее актуальность, новизна и практическая значимость, характеризуется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяются хронологические рамки и регион изучения. Глава содержит источниковедческий и историографический разделы с характеристикой основных типов источников, привлеченных для исследования, и научных работ, связанных с изучением истории Кипрского королевства эпохи крестовых походов и его взаимодействия с итальянскими морскими республиками Генуей и Венецией.

Первая глава "Королевство Кипр и крестоносное движение XIII-XV вв." посвящена истории Кипра в указанный период и его участию в крестоносном движении. Политическая история королевства конца XII-XV вв. несет на себе печать неразрывной связи с крестоносным движением. Поэтому глава состоит из четырех разделов, в которых последовательно прослеживается политика Лузиньянов от времени падения первого Латино-Иерусалимского королевства в 1187 г. до конца существования Кипрского государства в 1489 г. Отмечаются общие принципы политики кипрских королей в отношениях с мусульманскими соседями и европейскими крестоносцами. Выделяются три основных фактора, от которых зависело существование и процветание королевства: 1) удержание за островом роли форпоста и военной базы для крестоносцев, а также приюта для паломников на латинском Востоке; 2) осторожность и сдержанность политики с мусульманскими соседями, направленной на мирное сосуществование и развитие экономических связей с ними; 3) выстраивание отношений с европейским купечеством, превращение королевства в важнейший торгово-экономический центр региона и его вовлечение в международную торговлю.

В первом разделе первой главы показан путь первых крестоносцев из династии Лузиньянов от графства Пуату до обретения короны Иерусалима, а затем Кипра, т.е. до становления новой королевской династии на латинском Востоке. Показывается роль первых Лузиньянов как активных участников всех крупных крестоносных экспедиций XII - начала XIII вв. и изменение их отношения к крестовым походам после обретения острова Кипр, когда долг крестоносцев стал уступать рационализму и практицизму, диктовавшихся необходимостью выживания в условиях Востока, укрепления собственной власти, строительства нового государства, отстаивания права на кипрский престол и присоединения короны Иерусалима, а впоследствии еще и Киликийской Армении. В главе прослеживается процесс превращения королевства в политического, идеологического и духовного преемника и наследника Латино-Иерусалимского королевства - первого в истории государства крестоносцев.

Анализ политической ситуации в регионе на рубеже XII-XIII вв. позволил сделать вывод о том, что во время Четвертого крестового похода в отношениях киприотов с европейскими крестоносцами наступил перелом. Крестовый поход не оправдал ожидания латинян Востока и значительно осложнил их дальнейшее существование. В диссертации особенно подчеркивается, что образовавшиеся на территории Византии новые латинские государства оттянули значительные материальные и людские ресурсы, предназначавшиеся ранее для защиты латинского Востока, распылили силы крестоносцев и внесли раскол в их ряды. В неписанный закон крестоносного движения были внесены серьезные изменения, связанные с переосмыслением задач крестовых походов Апостольским престолом, поворотом в сознании самих крестоносцев, расширившими ареал их деятельности на всю территорию Европы и Ближнего Востока и позволившим применять силу против любого врага католической церкви. Все это привело к появлению и постепенному углублению пропасти непонимания, несовпадения интересов европейских крестоносцев и латинян Востока, разделив крестоносцев на восточных (местных) и европейских. Это проявилось в войнах киприотов с германским

императором Фридрихом II Гогенштауфеном и в борьбе за иерусалимскую корону Лузиньянов с королем Сицилии и Неаполя Карлом I Анжуйским. Местные элиты не только отказали в поддержке европейским крестоносцам, но и нанесли сокрушительное поражение своим же единоверцам. Последним четко дали понять, что отныне они необходимы латинскому Востоку исключительно как помощники, воины, защищающие единоверцев и отстаивающие интересы местных элит, но не претендующие на самостоятельную политическую роль в королевствах Иерусалима и Кипра. Лузиньянам удалось не только отстоять свое право на кипрский и иерусалимский трон, но и вывести свое королевство на международную арену как экономически и политически сильнейшее государство крестоносцев, с мнением которого невозможно не считаться и военный потенциал которого невозможно не учитывать.

Изучение политического, демографического и экономического кризиса после падения второго Латино-Иерусалимского королевства в 1291 г. позволил сделать вывод, что королю Генриху II Лузиньяну удалось почти невозможное: сохранить территорию королевства и заложить основы для его экономического процветания и роста политической значимости острова. Для этого он ввел систему государственного регулирования международной торговли, установил административный и финансовый контроль за иностранными предпринимателями в королевстве, упорядочил налоговую систему, в полной мере использовал себе во благо возможности экономического эмбарго, введенного против Египта Римской курией. Пришло также понимание, что спасение и защита территории королевства прежде всего зависит от собственной инициативы и поиска новых союзников. В работе прослеживается начало процесса локализации крестовых походов, когда Лузиньяны стали не просто участниками, но и их организаторами и инициаторами. В то же время все короли династии всегда понимали, что без военной и финансовой помощи европейцев, особенно итальянцев, невозможно само существование латинского Кипра, как прежде латинской Сирии; без их торговли и их капиталов невозможно экономическое процветание ни одной из латинских земель Востока. В данном случае в работе вскрываются причины их приближения ко двору, оказания им знаков внимания и уважения, дарования торговых привилегий и стремления не доводить отношения до конфликтов.

Особенно отмечается, что итальянским морским республикам удивительным образом всегда удавалось оставаться самыми активными участниками европейского крестоносного движения. Без их кораблей был невозможен ни один крестовый поход позднего средневековья. В то же время они всегда оставались прагматичными торговцами, у которых собственные экономические выгоды чаще всего брали верх над европейскими политическими интересами на Востоке.

Во **втором разделе первой главы** исследуется новая философия крестоносного движения, обновление крестоносной идеи позднего средневековья и участие Кипра в его новой парадигме в первой половины XIV в. Подчеркивается, что турецкая экспансия в Восточном Средиземноморье заставила внести существенные коррективы в крестоносную идею. По инициативе папы Иоанна XXII была создана антитурецкая коалиция латинских государств Запада и Востока, действовавшая на протяжении нескольких десятилетий. В связи с этим было

необходимо уделить пристальное внимание изучению политики папства как организатора, режиссера, финансиста и непосредственного участника антитурецких экспедиций. Кипрское королевство, находившееся при Гуго IV Лузиньяне в зените своей славы и могущества, вместе с государством госпитальеров на Родосе стало участником всех возможных крестоносных союзов, направленных на борьбу с турецкой угрозой. Войны с турками способствовали профессионализации крестоносного движения и вместе с этим опять же его локализации, когда основной центр тяжести и бремя ответственности переносится на латинских правителей Латинской Романии. С турками воевали без особого желания и даже без особой идеи, а исключительно из необходимости защиты собственных территорий. Защитная функция крестовых походов выйдет на первый план и останется их единственной реальной целью до конца XVI в., т.е. вплоть до окончания крестоносной эпохи.

Третий раздел первой главы " Крестоносец века - король Кипра Пьер I Лузиньян (1359-1369)" посвящен изучению крестоносной политики самого прославленного представителя династии Лузиньянов Пьера I. Именно он стал вдохновителем, организатором и предводителем крестового похода, ознаменовавшимся в 1365 г. единственным в истории движения завоеванием крупнейшего египетского города и порта Александрии. В 1360-е годы Египет вновь на непродолжительное время становится проблемой во внешней политике, решить которую кипрский монарх решил силой оружия, формально используя при этом старую крестоносную идею и цель отвоевания Иерусалима. В работе показывается и доказывается, что крестоносная активность кипрского короля являет собой ярчайший пример перерождения крестоносной идеи, ибо крестовый поход Пьера I имел под собой чисто экономическую подоплеку: в сторону Египта все больше уклонялись торговые пути; его рынки грозили процветанию главного кипрского порта Фамагусте; окрепшее к этому времени кипрское купечество претендовало на равные условия торговли наряду с итальянцами. Разрушение главного египетского порта было призвано решить все проблемы разом. Однако европейское купечество, поначалу поддержавшее экспедицию кипрского монарха, дабы ослабить экономическую мощь основного конкурента на Востоке, вскоре столь же дружно отвернулось от него.

Проанализировав крестоносную деятельность кипрского монарха, мы пришли к выводу, что купечество итальянских морских республик никогда не скрывало экономических приоритетов в любом крестовом походе, умело при этом вуалируя голый утилитаризм постоянным, заметим не бесплатным, участием во всех крестоносных экспедициях в качестве, главным образом, кредиторов, снабженцев и перевозчиков. Крестоносная идея не станет органической частью их культуры, не породит новых форм культуру, как это произошло в среде создавшего куртуазную культуру французского рыцарства. Напротив, итальянские морские республики смогли реализовать и рационализировать политические успехи крестоносцев, получая за свое участие от крестоносцев привилегии, деньги, земли, завоеванные их оружием, политическое влияние, а от папы, как настоящие крестоносцы, отпущение всех грехов и спасение. Парадокс, однако, состоял в том, что получение прибыли любой ценой, порой заслонявшей высокие крестоносные идеи

или веру, каким-то образом не вредило их имиджу добропорядочных христиан, по своему и в соответствии с природой их общественных функций исполнявших долг крестоносцев.

Таким образом, во время крестовых походов кипрского короля Пьера I, как никогда прежде, проявился весь прагматизм, целенаправленность и локальность крестоносного движения позднего средневековья. И король, и папа, и итальянские морские республики на деле демонстрируют жесткое подчинение своих крестоносных эмоций интересам собственных государств. Походы предпринимаются только в случае острой экономической или политической необходимости. С решением проблемы они немедленно завершаются. Главная их задача - не завоевание (или отвоевание) Святой Земли, а заключение очередного мирного договора с мусульманскими соседями с максимальной экономической выгодой для себя.

Крестовые походы Пьера I Лузиньяна высветили не только их экономическую подоплеку. Они же с особой силой доказали, что экономические войны эпохи крестовых походов всегда были краткосрочными. Их основная задача состояла в экономическом и политическом давлении на конкурента. Кроме того, они стоили больших денег самим их инициаторам и были крайне невыгодны обеим сторонам. Только самые экономически сильные и уверенные в собственных силах могли себе их позволить. Кипрский монарх не рассчитывал на длительную войну, растратил материальные ресурсы королевства и, как следствие, проиграл битву прежде всего экономически; папские запреты XIV в. на торговлю с мамлюками оказались также совершенно бездейственными; многочисленные бойкоты итальянских морских республик Кипру никогда полностью не исполнялись купцами из самих этих государств. Крестоносная идея не смогла перекрыть и отодвинуть на второй план эмоциональное ожидание прибыли.

Четвертый раздел первой главы называется "Закат крестоносного движения на Кипре: агония идеи". После кипро-генуэзской войны 1373-1374 г. разоренное Кипрское королевство, потерявшее часть своей территории и уступившее генуэзцам главный порт острова Фамагусту, не имело достаточных сил и средств для активного участия в крестоносном движении и для борьбы против турецкой экспансии. Его роль в сложившейся ситуации была скорее пассивной и заключалась в приеме беженцев из завоеванных турками областей, оказании ставшей уже традиционной помощи паломникам и попыток сохранения формального представления о себе как о христианском форпосте на Востоке, призванном сдерживать натиск мусульман. Реальная крестоносная активность кипрских королей конца XIV-XV вв. становится едва заметной. Только после широкомасштабных турецких завоеваний 1450-1470-х годов на Западе вновь активно заговорили о создании, или возрождении антитурецкой Священной лиги, в которой определенная, пусть и скромная, роль не столько участника, сколько базы для сбора войск крестоносцев отводилась Кипрскому королевству. Главными организаторами нового альянса являлись Апостольский престол и Венецианская республика, вынашивавшая уже в это время планы присоединения Кипра к своим заморским владениям. Анализ источников в данной связи позволяет сделать следующие выводы: 1) Крестоносная риторика активно использовалась на Западе,

и при этом демонстрировался голый практицизм на Востоке. 2) Реальной задачей войны было отстоять владения латинян в Восточном Средиземноморье. 3) Вероисповедание союзников перестали волновать латинян и Востока, и Запада. В середине XV в. это уже никак не скрывалось и не вуалировалось. 4) Венецианцы как будто предлагают создать армию новых крестоносцев: циничных, практичных, рациональных, современных, как они сами. Союзниками вполне могли стать и египтяне, и монголы, и схизматики греки. 5) Османская экспансия XV в. проходила на некотором удалении от острова Лузиньянов и не затрагивала его напрямую. Поэтому кипрские монархи XV в. не проявляли особых антитурецких настроений и не спешили поддерживать европейские крестовые походы против них. 6) На примере Кипра отчетливо видно, что крестоносное движение XV в. становится все более дробным. В нем реально участвуют те, кто видит наибольшую опасность от "врагов веры" для себя самого. Собрать крестоносные силы всей Европы против кого бы то ни было стало абсолютно нереально. Ни папство, ни кто другой больше не находили того нерва, потянув за который, можно было привести в движение все население Европы, как в конце XI в. 7) В XV в. каждый потенциальный участник крестового похода соизмерял его необходимость с собственными интересами и собственными задачами. 8) Крестоносные идеи все более становятся предметом интеллектуальных дискуссий, с одной стороны, и формальным лозунгом для поиска союзников, денег, организатора и координатора действий, коим по-прежнему оставался Апостольский престол, при проведении "нужной" войны – с другой. 9) "Священная" война все более становится войной по необходимости - необходимости защищать себя, свою территорию, свою власть, свою экономику и не более того. Крестоносная риторика и идеология хороши только тогда и ровно в той степени, когда они необходимы и способны помочь в достижении цели: удержании политических и экономических позиций на Востоке. 10) Если в Европе, по крайней мере, думали о мерах защиты от турецкой экспансии и развивали теоретическую крестоносную активность, то Кипрское королевство, погрузившееся в собственные финансовые и внутриполитические проблемы и, кроме того, находившееся во второй половине XV в. несколько за границами непосредственного театра военных действий, осталось далеко в стороне от поиска решения турецкой проблемы, занимавшей во второй половине XV в. всю политическую авансцену Балкан и Восточного Средиземноморья. 11) Крестоносная идея еще могла служить для объединения сил европейцев против турок, но в отношениях с Египтом она становится абсолютным анахронизмом.

Глава II "Кипр и Генуя в XIII-XV вв." посвящена истории кипро-генуэзских отношений. Их история делится на два больших и принципиально разных по содержанию периода: до кипро-генуэзской войны 1373-1374 гг. и после нее. Война поставила Кипрское государство на грань выживания. Под вопросом находилось само его существование как независимого государства. Война же разделила территорию острова между двумя государствами: Кипрским королевством и Генуей, - т.е. война стала историческим водоразделом в их отношениях. В связи с этим мы также разделили названную главу на два больших раздела: 1) Генуэзцы в королевстве Лузиньянов до кипро-генуэзской войны 1373-1374 гг.: от фактории к собственной колонии в Фамагусте; 2) "Кипро-генуэзская война 1373-1374 гг. и

аннексия Фамагусты". Данный раздел, посвященный истории войны и анализу ее последствий, также подразделяется на два подраздела: 1) II.2.1. От праздника к войне; 2) II.2.2. Последствия войны.

Анализ всего комплекса источников и литературы позволил сделать выводы о том, что в истории Кипрского королевства генуэзцы сыграли едва ли не ключевую роль: они первыми оказали Лузиньянам финансовую и военную помощь для утверждения их власти на острове; они первыми получили торговые и административные привилегии, неоднократно подтверждавшиеся на протяжении XIII - первой половины XIV вв.; они обладали наибольшим влиянием на королей в указанный период, оттеснив на второй план всех конкурентов, прежде всего венецианцев; Генуя всегда мыслилась как потенциальный военный союзник, терять которого Кипр, как государство крестоносцев со всеми вытекающими отсюда обязанностями, не хотел и не мог себе позволить. Участие генуэзцев в крестовых походах XIII в. и их выступление на стороне кипрских монархов против латинян Запада еще раз со всей очевидностью доказывает их принадлежность к торговой нации. Генуэзские купцы, как и их коллеги из других итальянских торговых государств, оставались крестоносцами ровно в той мере и до той поры, пока военные действия не нарушали ритма их коммерческой активности. Главная задача правительств итальянских торговых республик состояла в правильном расчете, понимании расстановки сил и последствий военных действий при внешней демонстрации христианского благочестия и своей полезности крестоносному движению. Активность генуэзцев на Кипре и получение привилегий в начале XIII в., их помощь местной власти против европейских крестоносцев вполне можно рассматривать как реванш за упущенные возможности Четвертого крестового похода и проигранный венецианцам Константинополь[6]. Однако, согласно нашим наблюдениям, противопоставить себя общеевропейской тенденции политического развития, связанного с крестоносным движением, никто из итальянских купцов или правителей позволить себе не мог. Это означало бы вызов всей Европе, Риму, церкви, вере, Богу. Генуэзец в данном случае поступает так же, как любой средневековый человек, имеющий страх Божий и ищущий спасения. Однако торговец не был бы торговцем, если бы не умел получать прибыль от войны, если бы не умел использовать силу чужого оружия себе во благо. Принять крест, стать участником экспедиции, исполнить христианский долг, оказать помощь крестоносцам, перевозя людей и оружие (заметим, не бесплатно), поучаствовать в военных действиях ради обретения рынка Востока, - все это встраивало генуэзцев, равно как и другие итальянские торговые нации, в общую парадигму развития крестоносного движения Западной Европы эпохи средневековья.

На примере отношений с генуэзцами в первой половине XIII в. в работе выделяются общие принципы внешней политики Лузиньянов, принятые впоследствии в отношениях со всеми иностранцами: 1) вознаграждать иностранное государство в форме концессий прежде всего за оказанную им военную помощь; 2)

---

[6] Otten-Froux C. Les Occidentaux dans les villes de province de l"Empire byzantin: le cas de Chypre (XIIe-XIIIe siècle) // Byzance et le monde extérieur: contacts, relations, échanges / publ. par P. Pagès, M. Balard, E. Malamut. Paris, 2005. P. 39.

финансовая помощь не считалась сверхуслугой и могла рассматриваться скорее как займ, кредит, предполагающий и требующий возвращения, но не отплаты в виде предоставления торгово-административных привилегий в королевстве; 3) ни при каких обстоятельствах не позволять иностранцам покупать землю, не предоставлять ее в условное владение, не допускать их проникновения в аграрную экономику острова. Отказ от последнего принципа происходит только в 1360-е годы, когда кипрский монарх, остро нуждаясь в деньгах для проведения крестовых походов и в помощи иностранных воинов, стал вознаграждать последних за их услуги феодами. Однако в отличие от венецианцев развить новую тенденцию в колониальной политике на Кипре генуэзцы не смогли или не захотели. Мы не видим обширных земельных поместий генуэзцев на острове равных, например, владениям венецианской фамилии Корнаро. Несмотря на то, что Генуя в данный период обладала явно большими средствами воздействия на короля и имела потенциальную возможность закрепить за своими гражданами земли, постепенно превращая их в анклавы, практически неподвластные королю, она, опять же в отличие от Венеции, этого не сделала. Следовательно, ни сама Лигурийская республика, ни ее отдельные граждане не демонстрируют стремления к внедрению в аграрную экономику острова. Территориальным приобретением Генуи, согласно договору 1365 г., становится район Фамагусты (territorium commune Janue) - важнейшее дипломатическое завоевание Генуи на довоенном Кипре.

С конца XIII в. местом концентрации генуэзского населения на Кипре становится Фамагуста. Генуэзское правительство увеличивало присутствие граждан и расширяло свою социальную базу в кипрских городах, проводя политику натурализации местного населения, т.е. частично предоставляя права генуэзского гражданства. Тем самым на Кипре создавалось ядро преданных Генуе людей, которые обеспечивали бесперебойность коммерции и канал влияния на кипрского короля. Экономическая, военная, политическая сила Лигурийской республики, демонстрация ею независимости от кипрского короля вызывали опасения киприотов и одновременно раздражение Венеции. Тем не менее, до середины XIV в. кипрские короли сохраняли баланс сил и интересов иностранного купечества в королевстве, контролировали ситуацию, создавая противовесы, поддерживая конкурентов, чтобы смирить чрезмерные претензии генуэзцев. Данные дипломатии дают основания утверждать, что, оказавшись в политических ножницах между Лузиньянами и Венецией, Генуе было крайне важно постоянно напоминать о своем превосходстве, требовать подписания новых договоров с подтверждением прежних льгот и не допускать нарушения ее привилегий. Искусство дипломатов обеих сторон, однако, состояло именно в том, чтобы не допустить открытого столкновения. Король отдавал себе отчет в том, как наполняется его казна благодаря генуэзской торговле и капиталам; генуэзцы, в свою очередь, прекрасно осознавали, что без кипрских портов их торговля на Востоке будет парализована. Экономические санкции, бойкоты и столкновения были не в интересах обеих сторон. Они были испытанным и действенным средством экономического давления на короля, но они никогда не были направлены на углубление политического кризиса, который бы грозил полным разрывом отношений между названными странами и войной друг против друга.

Ситуация начала стремительно меняться только после кипро-генуэзской войны 1373-1374 гг., когда важнейший кипрский город Фамагуста перешел в руки генуэзцев, которые без труда могли захватить весь остров. Однако они этого не сделали и предпочли создать только колонию в Фамагусте. Генуэзские купцы, умевшие считать деньги, оценив уровень доходов, который была способна принести Фамагуста, и стоимость содержания кипрской инфраструктуры, вполне логично предпочли закрепить за собой только то, что дает постоянную и гарантированную прибыль, т.е. восточный кипрский порт. Разоренные войной города и деревни победительница оставила кипрскому королю. Вместе в разрухой ему достались колоссальная контрибуция и бесконечные долги, получателем которых были все те же генуэзцы. Война положила конец экономическому процветанию Кипрского королевства, навсегда поставив его в долговую зависимость от других государств. Экономический коллапс обусловил политический упадок государства. Из дипломатических договоров ясно, что с конца XIV в. Кипр перестает восприниматься на политической арене Средиземноморья как сильное государство, способное участвовать в крупных военных союзах и крестовых походах европейских государств против турок или Египта, как это было во времена Гуго IV и Пьера I. Кипрское королевство смогло просуществовать еще немногим более столетия только благодаря дипломатической игре киприотов на интересах генуэзцев и их конкурентов из других средиземноморских государств, особенно Венеции. Многие проблемы долго и трудно, но все же решались на дипломатическом уровне. Экономические перспективы, связанные с Фамагустой, казались слишком заманчивыми и должны были компенсировать проблемы отношений с киприотами.

Глава III. Богатейшие материалы Государственного архива Генуи позволили подробно изучить историю генуэзского присутствия в Фамагусте, полученной после кипро-генуэзской войны, когда территория острова была разделена между двумя государствами: Кипром и Генуей. В новой колонии Генуя должна была заново выстроить всю систему управления, обороны, налогов, организации рынка и городской инфраструктуры с единственной целью - бесперебойного получения прибыли от международной торговли. Изучению названных вопросов посвящена третья глава работы "Генуэзская Фамагуста".

В **первом разделе третьей главы** анализируются принципы управления генуэзской колонией в Фамагусте, структура городского управления, функции основных административных Оффиций и колониальных должностных лиц, правила их избрания, назначения и контроля, групповые политические интересы генуэзских элит при выдвижении кандидатов на должность. Общим правилом является ежегодная сменяемость высших чиновников колонии. Возможности покупки должности (кроме капитана города, жестко назначаемого из метрополии) является не чем иным, как кредитом частного лица государству. Главной же задачей любой административной структуры и любого должностного лица в Фамагусте всегда было обеспечение бесперебойного функционирования рынка при максимальной его безопасности.

При изучении истории генуэзских колоний следует иметь в виду, что все они были частью общегосударственной экономики, и их значимость для государства

нельзя осознать, прибегая лишь к внутрирегиональному анализу. Целесообразность административных и военных вложений на Востоке определялась не тем, как складывается судьба Фамагусты, Хиоса или Каффы, а тем, какую отдачу имеет их существование в точке фиксации прибыли, т. е. в самой Генуе. Политическая, военная и дипломатическая активность метрополии при любом режиме преследовала в конечном итоге лишь одну цель - обеспечить гражданам республики условия для наиболее продуктивного обогащения себя, а посредством этого и самого государства. Экстенсивный путь реализации цели - увеличение числа колонистов, был столь же приемлем, как и интенсивный - увеличение объемов капиталов на Востоке.

Важнейший вывод, на который в диссертации обращается особе внимание, состоит в том, что генуэзские поселения на Леванте не были коммунами. Нельзя говорить о"республиканизме" Генуи в подходах управления Фамагустой. За термином «коммуна» стоит вполне определенный для Италии тип государственного и политического устройства, из которого вытекают дочерние формы организации административного управления. «Коммуна Фамагусты», как и «коммуна Каффы» по сути лишь наукообразное определение городских общин, способное затемнить суть их административного устройства. Официальное и полностью отражающее статус этих поселений название было «Communa Ianue in Famagusta», «Communa Ianue in Caffa». Те органы управления и должности, которые возникали в Левантийских поселениях, даже если они назывались по аналогии с коммунальными (как подеста или Совет), формировались по принципам, ничего общего с собственно коммунальными не имевшими. Административные, фискальные, судебные, а в Фамагусте и военные функции полностью были сосредоточены в руках главы колонии. Это по существу была военно-административная система. Существовавший в колонии Совет имел техническое предназначение, собирался в экстренных случаях (главным образом в случае смерти колониальных высших должностных лиц) и был жестко подчинен власти капитана города.

Раздел второй третьей главы повествует о системе безопасности, обеспечении обороноспособности и снабжении города продовольствием. позволяют провести подобный анализ. На основании бухгалтерских книг (массарии Фамагусты) подробно анализируется численность и состав воинского контингента Фамагусты, материальные затраты на его содержание и вооружение, типы оружия и амуниция, закупавшиеся и использовавшиеся в колонии, организация обороны и топонимика генуэзских фортификаций. В работе делается вывод, что пристальное внимание генуэзского правительства к соблюдению мер безопасности объясняется лишь одной целью: сохранить за Фамагустой роль единственного международного торгового цента Кипра и крупнейшего торгового центра Леванта. В последние годы существования генуэзской колонии, когда она из-за обострившихся политических проблем с королем Кипра уже не могла выполнять названные функции и перестала приносить ожидаемые доходы, когда ее содержание стало слишком дорого обходиться казне, правительство стало все меньше и меньше уделять внимания колонии и передало ее сначала на баланс Банка св. Георгия, а потом практически бросило соотечественников в ней на произвол судьбы.

Третий раздел третей главы посвящен изучению рынка города, его инфраструктуры, аренды торговых площадей и анализу налоговой системы. Фамагуста была прежде всего торговым городом, и именно в этом качестве была необходима генуэзцам. До кипро-генуэзской войны ее рынок приносил стабильный и немалый доход королевской казне, он же должен был наполнять казну генуэзскую. Юридически правильно оформленные и выстроенные отношения с королем Кипра позволили Лигурийской республике установить контроль за всеми торговыми потоками, проходившими через остров, обеспечить ее гражданам не только возможности для собственного существования в Фамагусте, но и для потенциального развития порта и рынка самого города. В целом, завоеватели попытались сохранить тот же порядок организации рынка, который существовал при Лузиньянах. Городской пейзаж и этнический состав купечества в генуэзской Фамагусте также изменились мало, по сравнению с лузиньяновским периодом. Можно лишь говорить об изменении соотношения сил и перераспределении возможностей между купеческими группами. Генуэзское купечество стало таким же податным населением, как и любой иностранец. Следовательно, если генуэзское правительство не могло позволить себе предоставления торговых льгот какой-либо группе населения, то оно не получало от Фамагусты прибыли, равные прежним доходам короля. Все это вело к постепенной утрате Фамагустой роли крупнейшего торгового центра Леванта и к превращению города в середине XV в. в военную крепость. Уменьшение объемов торговли немедленно вело к сокращению численности населения, обнищанию и закату самого города.

Экономическое процветание любого государства невозможно без четко отлаженной налоговой системы. Еще в большей степени это правило касается торгового государства. Данные массарий Фамагусты дали нам возможность впервые в историографии всесторонне проанализировать налоговую систему Фамагусты. На основании материала массарий мы доказывает и утверждаем, что именно в налоговую систему генуэзцы внесли наибольшие по сравнению с лузиньяновским периодом изменения. Это выразилось во введении и в Фамагусте и даже на территории королевства чисто итальянского налога "габеллы" и откупов габелл на отдельные товары, должности, торговые точки, недвижимость и производство. В работе изучаются все виды габелл и уровень их доходности в Фамагусте. В то же время сами генуэзцы приняли таможенный налог "коммеркий", который существовал на Кипре при Лузиньянах. Нам также удалось проследить четкую связь названного налога с византийской фискальной системой, воспринятой сначала Лузиньянами, а затем переданной в наследство генуэзцам и венецианцам. Граждане Генуи охотно покупали право сбора коммеркиев и габелл, инвестируя в их покупку значительные суммы, ибо их сбор являлся очень доходным делом. Коммуна Генуи не менее охотно их продавала, получая единовременно также солидную и главное гарантированную прибыль.

Четвертый раздел главы III посвящен исследованию благотворительности коммуны Фамагусты и ее социального значения для города. Генуэзцы сохранили прежнее сакральное пространство и организацию христианской городской среды. Городская администрация не была склонна и не могла инвестировать большие деньги в светское или церковное строительство. Тем не менее, согласно массариям,

из бюджета выделялись деньги для поддержания отдельных церквей, приютов, кладбищ и пенсии особо нуждающимся жителям города. Анализ специальных счетов массарий о подаяниях коммуны позволил сделать выводы, что адресная благотворительность генуэзской администрации Фамагусты имела целью сохранить социальное спокойствие в городе, не допустить недовольства и тем более волнения среди обнищавшего местного населения; поддержать санитарно-гигиеническое состояние города; проявление милосердия к бедным, больным, неимущим, особенно ветеранам, было лучшим способом демонстрации христианского человеколюбия, любви к ближнему, т.е. христианской сущности власти; регулярные пожертвования и милостыни при очень скромных затратах для бюджета были способны повысить авторитет власти в глазах населения города, обеспечивали психологическую связь между ними. В этом состояло главное социальное значение счета под названием "милостыни" в бюджете генуэзской Фамагусты. Монетизация христианского долга возвращалась генуэзской коммуне сторицей.

Пятый раздел главы III. В последнем пятом разделе главы "Досуг в Фамагусте" представлена бытовая сторона жизни в городе с ее радостями, праздниками, развлечениями, досугом, преступлениями и наказаниями. Материалы Генуэзского архива предоставляют богатый материал для исследования и данного вопроса. В разделе подчеркивается, что специфика Фамагусты состояла в том, что большую часть ее населения составляли иностранцы. Они прибывали в город в поисках счастья, с надеждами на быстрое и сказочное обогащение и стремительную карьеру. Кому-то действительно все это удавалось. Кто-то терял последнее, а нередко и жизнь.

Глава IV "Кипр и Венеция в XIII–XV вв." состоит из нескольких разделов, в которых анализируется ход развития кипро-венецианских отношений. Венеция - второй по значимости экономический, финансовый и политический партнер Кипрского королевства. Между тем, принципы, методы и цели венецианской дипломатии на Кипре зачастую принципиально отличались от генуэзской.

В **первом разделе главы IV** "Венецианские мигранты и иммигранты на Кипре в XIII–XV вв." исследуется миграционная политика Венеции на Кипре, внедрение и освоение ее гражданами аграрной периферии Кипра, особенности ее торговой политики.

Эпоха крестовых походов как проблема крупнейшей миграции европейского населения за пределы Европы уже отмечалась. Ей сопутствовало не только освоение завоеванных территорий рыцарями-крестоносцами, но и внедрение на богатейшие рынки Востока европейского, и в первую очередь итальянского, купечества. Постепенно рыцарский, франкский элемент уступал позиции элементу купеческому, итальянскому. Как результат, европейская миграция на Восток оказалась по преимуществу городской – ремесленной и купеческой. Среди мигрантов легко различить две категории: «иммигрантов» и сезонных мигрантов. Венецианцы на Кипре, в отличие от своих конкурентов генуэзцев, изначально озадачились тем, чтобы не только освоить кипрский рынок, но и проникнуть в аграрную сферу кипрской экономики, несмотря на запрет таковых действий со стороны кипрских властей и кипрского законодательства. Для

достижения цели Венеция активно использовала личные связи и инициативы собственных граждан. На них же нередко перекладывались административные расходы. Устраняясь от прямого администрирования, Венеция обретала налоговые поступления, «верных дочерей и сыновей», постоянно открытые порты и рынки в этих областях, благоприятные условия жизни, деятельности и торговли для своих граждан, сохраняла возможность не только влиять на них, но и диктовать им условия. Республика св. Марка всячески поощряла личную активность своих граждан и их миграцию на Восток, извлекая из этого собственные выгоды. Со своей стороны венецианские мигранты и эмигранты могли всегда рассчитывать на поддержку и помощь родины в конфликтных ситуациях, и как минимум, на сочувствие той части местной элиты, которой были дарованы частичные права гражданства. И Генуя, и Венеция прибегали к подобной политической ассимиляции представителей автохтонного населения, оформляя их статус как «белых генуэзцев» или «белых венецианцев.

Анализ всего комплекса документальных и нарративных источников дает основание утверждать, что своими политическими успехами на Кипре Венеция была обязана собственной осторожности и чрезвычайному терпению. Будучи блестящей ученицей Византии в области дипломатии, обладая огромным политическим опытом, колоссальным терпением и хорошей памятью, Венеция готова была договариваться, платить, меняться, интриговать, подставлять под удар третью сторону, проявляя порой чудеса изворотливости, душить конкурента или врага экономически, только чтобы избежать прямых военных столкновений, коих в ее истории и без того было немало. В то же время Венеция легко втягивалась в любые крестовые походы XIV-XV вв. ради получения прибыли, защиты собственных территорий, отстаивания своих интересов и укрепления позиций в землях Востока, выходя при этом сухой из водоворота войны в отношениях с мусульманами. Как это ни странно, она – участница крестоносных экспедиций, кажется, не ассоциировалась и напрямую не объединялась с крестоносцами даже мамлюками и турками.

Пока кипрским королям удавалось ставить жесткий барьер для доступа венецианских мигрантов в сельское хозяйство Кипра, суверенитету королевства ничто не угрожало. Одновременно, до тех пор пока кипрские короли ставили серьезные препятствия иностранцам в получении земли на острове, венецианцы долго здесь не задерживались. Крестовые походы короля Пьера I открыли широкий канал для частных лиц получать земли в качестве вознаграждения своих услуг. Венецианцы не замедлили воспользоваться финансовыми трудностями короля и внедриться туда, куда прежде было проникнуть невозможно, т.е. в кипрскую аграрную экономику.

После кипро-генуэзской войны финансовая зависимость короля от Венеции открыла широкий канал для граждан республики для внедрения в аграрную экономику острова. Венецианские земельные владения постепенно превращаются в анклавы, не подлежащие ни налогообложению, ни контролю со стороны королевской власти. Все это: передача венецианцам земли в качестве фьефов, а затем и выведение территорий из под власти местных чиновников, бесконечная зависимость короля от венецианских капиталов и кредитов, безбрежные претензии

на торгово-экономические свободы и требования к королю обеспечить их даже в генуэзской Фамагусте, - вело к ослаблению королевской власти и фактически передаче части властных полномочий венецианскому правительству на территории королевства. В то же время, наши наблюдения показывают, что Венеция более, чем ее основная соперница Генуя, действовали на Кипре как средневековое государство, для которого при любой массе торгового капитала земля оставалась главной ценностью, мерилом богатства, показателем не только экономической, но и политической власти, индикатором ее силы, могущества и стабильности. Земля была одной из приоритетных целей политики Венецианской республики на Кипре, которую она терпеливо проводила на протяжении долгого времени и которая в конечном итоге позволила ей в 1489 г претендовать на весь остров.

Второй раздел главы IV. В данном разделе анализируются причины и условия, позволившие Венеции присоединить Кипр к своим владениям в конце XV в. Дело в том, что судьба венецианцев на Кипре зависела не от кипрского короля, которого они успешно устранили с политической арены с помощью династического брака, а от Египта, данником которого королевство являлось с 1426 г. Завещание последнего короля и вассальная зависимость Кипра от Египта ставили под сомнение легитимность присоединения острова к владениям Венеции. В разделе показывается, какая потребовалась колоссальная воля, терпение и дипломатическое мастерство Республики св. Марка, чтобы найти компромисс в решении кипрского вопроса с Египтом. Итогом исследования кипро-египетского вопроса является вывод, что 1) Венеция принимала на себя даннические обязательства прежнего королевства, формально признавала зависимость Кипра от Египта и обязалась помогать султану в случае нападения турок; 2) султан сохранял status quo и руками венецианцев создавал из острова естественную защиту своих территорий на пути продвижения турок. 3) Дипломатический компромисс с Египтом позволил Венеции поднять над Кипром венецианский флаг и начать новый, венецианский, период в его истории.

Глава V "Кипрская культура между Западом и Востоком".

Первый раздел Глава V. "Тенденции развития кипрской культуры XIII-XV вв. " Пограничное положение Кипрского королевства, расположившегося на греческой земле и оказавшегося связующим звеном западного католического мира с мусульманским Востоком, всегда влияло и предопределило основные тенденции и процессы развитие кипрской культуры в XIII-XV вв. Королевскому двору Кипра удавалось сохранять и одновременно синтезировать многообразие и колорит чужих культур: западноевропейской, греческой, сирийской и арабской. Кипрская элита состояла в основном из потомков европейских крестоносцев. О своих латинских корнях она никогда не забывала и стремилась сохранять с исторической родиной не только политические или экономические связи, но и не отставать в области культуры, особенно когда в Италии уже в XIV в. зарождается эпоха Ренессанса. Несмотря на географическую удаленность от европейских центров гуманистической культуры, Кипрское королевство было непосредственным потребителем ее достижений. Раннегуманистические идеи, страсть к собирательству библиотек, копирование рукописей захватили и греческую и латинскую интеллектуальную элиту королевства. В то же время мощнейшая

греко-византийская цивилизация не давала киприотам забыть об их сопричастности к византийской истории. Многочисленность греческих рукописей с сочинениями византийских и античных авторов заставляет пересмотреть точку зрения о забвении киприотами греко-византийских истоков кипрской культуры. Кипрские рукописи и описи фондов частных библиотек поражают своим разнообразием, позволяют очертить круг интересов киприотов, являются индикатором образованности кипрского общества, доказывают, что развитие кипрской культуры шло вслед за итальянской и византийской. Греко-византийское наследие, кроме того, повышало интерес к Кипру на Западе и одновременно приближало его к европейским гуманистическим ценностям.

Второй раздел главы V посвящен изучению истории образования на Кипре в XIII-XVI вв. Ни одно общество не способно развиваться без культуры, науки и образования. Сохранившаяся на Кипре византийская традиция школьного и домашнего обучения, с одной стороны, и развитие университетов в Западной Европе - с другой, стимулировали стремление киприотов к обретению знаний и обеспечению достойного воспитания молодому поколению. Но если начальное образование можно было получить на самом острове, то за университетскими знаниями кипрская молодежь ехала в Европу. Кипрское общество, и кипрское правительство остро нуждалось в образованных людях и специалистах. В XV в. становится нормой, что доверенные лица короля имели университетское образование. Найденные нами в Государственного архива Венеции нотариальные акты, а также опубликованные акты университета Падуи позволили нам изучить историю создания гуманитарного образовательного фонда на Кипре, механизм финансирования образования киприотов в университете, составить просопографическую таблицу с именами 138 кипрских студентов, говорить о появлении в Падуе и Венеции крупного землячества киприотов. Анализ указанных источников показал, что общество «рекрутировало» специалистов не только из кипрской знати, но и из более низких социальных слоев, через образование поднимало их на более высокую социальную ступень и затем пользовалось их знаниями и интеллектом. Развитие культуры и образования во многом способствовало изменению самой кипрской знати, появлению в ней семей греческого и сирийского происхождения. XV в. - век завершения процессов межкультурного взаимодействия на Кипре и появление общности людей, осознававших и позиционирующих себя как "киприоты" независимо от их этнического происхождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подводятся основные итоги исследования и в сжатой форме излагается авторская концепция развития Кипрского королевства в эпоху крестовых походов в его взаимодействии с итальянскими морскими республиками, сыгравшими первостепенную роль в его истории.

Королевство Кипр явило пример служения крестоносной идее, с одной стороны, и высветило процесс ее мутации, постепенной прагматизации, коммерциализации и агонии - с другой. Крестоносное движение в Европе медленно шло по

ниспадающей и одновременно профессионализировалось. Те же самые процессы, но в значительно более выраженном виде, характерны для латинского Востока. Королевство Лузиньянов прошло все стадии развития крестоносного государства на Востоке от участника в паневропейских крестовых походах классического средневековья до инициатора и организатора локальных выступлений под флагом священной войны ради защиты собственной территории и собственных экономических и политических интересов в регионе в эпоху позднесредневекового крестоносного движения.

Серьезные изменения, произошедшие в сознании крестоносцев после Четвертого крестового похода, распространение идеи на борьбу с любым врагом веры от Пиренеев и Северной Африки до Прибалтики и Причерноморья привели к переосмыслению задач всего крестоносного движения и постепенному углублению непонимания, несовпадения интересов европейских крестоносцев и латинян Востока. Это ведет к распылению сил крестоносцев, постепенной локализации крестовых походов, уменьшению их численности и, как следствие, неизбежной профессионализации. Их действующими лицами становится исключительно рыцарство. В сложившихся условиях Лузиньянам удалось не только отстоять свое право на кипрский и иерусалимский трон, но и вывести свое королевство на международную арену как экономически и политически сильнейшее государство крестоносцев, с мнением которого невозможно не считаться и военный потенциал которого невозможно не учитывать.

После кипро-генуэзской войны 1373-1374 гг., поставившей кипрскую экономику на грань катастрофы и невероятно ослабившей Лузиньянов политически, Кипр остался за рамками активного крестоносного движения. За Кипрским королевством, как за государством крестоносцев, сохранилась лишь пассивная функция приема и размещения беженцев из завоеванных турками областей.

Континуитет Лузиньянов от иерусалимских королей имел место лишь в той степени и в той мере, покуда повышал авторитет их собственной власти. Они действительно позиционировали себя как преемники легендарных королей Арден-Анжуйской династии Латино-Иерусалимского королевства. Они получили от них символы власти, сохранили у себя все должности и титулы Иерусалимского государства, символически переместили на свою землю сам святой город Иерусалим. В то же время, им удалось избежать многих практических ошибок своих предшественников, в первую очередь во взаимоотношениях с итальянскими торговыми государствами, торгово-экономическая деятельность которых была поставлена под жесткий контроль кипрской власти.

В отношениях с мусульманскими соседями в целом была принята политика мирного сосуществования. Однако в XIV в. с началом турецкой экспансии в регионе латиняне Востока озаботились защитой собственных территорий. С этой точки зрения папа, как организатор, вдохновитель экспедиций, защитник интересов латинян Востока, строго выполнял свои обязательства, сделав максимум возможного для создания антитурецкой коалиции Запада и Востока. Римская курия, руководствуясь идеей борьбы с любыми врагами веры, подняла крест против турок и смогла мобилизовать силы европейцев, создав военно-морской альянс под названием "Священная лига", постоянным участником которого было

Кипрское королевство. Несмотря на то, что результаты деятельности антитурецкой коалиции оказались весьма скромными, она навсегда развернула вектор крестоносного движения на Востоке в сторону турок и вывела на передний план защитную функцию крестоносцев.

Единственный относительно крупный крестовый поход позднего средневековья против Египта под предводительством кипрского короля Пьера I Лузиньяна состоялся в 1365-1367 гг. и ознаменовался кратковременным завоеванием крупнейшего египетского портового города Александрии. Кипрский монарх использовал крестоносную риторику для собирания сил европейских крестоносцев ради осуществления практических целей собственного государства, а именно: дестабилизации египетского рынка и завоевания торговых привилегий для кипрского купечества в портах султана равных тем, которыми обладали итальянские морские республики. К латинянам и на Кипре, и в других областях Романии приходит осознание необходимости развивать собственный рынок и интегрировать его в региональный и международный, не разделяя купечество по вере или этносам. Добиваться этого более предпочитали дипломатическими средствами. Попытка же Пьера I Лузиньяна получить желаемое силой оружия имела исключительно негативные последствия. Энтузиазм европейских крестоносцев оказался кратковременным, а запас прочности египетской экономики и политическая твердость султана - значительно выше ожидаемых. В связи с этим крестовые походы кипрского короля не только не достигли желаемого результата, но и привели к глубочайшему внутриполитическому и экономическому кризису на острове, в одночасье превратив славного короля в ненавистного тирана. В середине XIV вв. крест в отношении Египта уже не являлся цементирующим средством. Идея стала неспособна собирать под свои знамена сколько-нибудь значительные объединенные силы европейских крестоносцев. Крестоносная активность кипрского монарха со всей очевидностью обнажила весь прагматизм крестоносного движения позднего средневековья, наличия в нем мощнейшего экономического фактора, все большей коммерциализации крестоносной идеи. Поздние крестовые походы собирали силы под свои знамена ради осуществления двух задач: защиты латинских территорий и охраны торговых путей, а также доступа к рынкам Востока ради достижения максимальных торговых выгод.

Профессионализация крестоносного движения проникает и в среду итальянских коммерсантов. Генуэзцы допускали обращение за помощью к Папе для защиты Фамагусты (равно как и других колоний - Перы, Каффы, Хиоса), сами при этом профессионально выстроив ее оборону. Венецианцы - постоянные участники Священной Лиги, установив протекторат над Кипром (с согласия Египта) в 1489 г., стали профессиональными крестоносцами, взяв на себя бремя защитников острова от турок и возвратив острову роль базы, форпоста крестоносцев в Восточном Средиземноморье. Чувство обязанности защищать латинский Восток в случае прямой внешней угрозы останется у европейцев, в том числе и у генуэзцев и венецианцев, до тех пор, пока там будут живы их последние территории. Это ощущение долга будет поддерживать крестоносную идею на протяжении не одного столетия и не даст ей окончательно умереть вплоть до конца XVI в.

Крестовые походы позднего средневековья породили еще один феномен экономической жизни Европы: торговые войны. Это было как наложение экономического эмбарго на торговлю с мусульманами, так и объявление европейскими торговыми государствами торговых бойкотов латинским правителям Востока. Папские санкции против мамлюков оказались абсолютно бездейственны против экономики Египта, вызвали всплеск контрабанды среди европейского купечества, но одновременно способствовали подъему кипрского рынка. Лузиньяны смогли воспользоваться ситуацией, взяв на себя роль защитников экономических рубежей христианского мира и сконцентрировав торговые потоки региона в Фамагусте. Эмбарго реально было на руку мусульманскому, иудейскому, сирийскому купечеству, на которых папские постановления, понятно, не распространялись и которые абсолютно свободно приходили в Фамагусту, превратив ее, таким образом, в крупнейший центр обмена товарами Востока и Запада. Одновременно западное купечество не могло смириться с крайне невыгодным для себя эмбарго и никогда строго не только не следовало указам Римской курии в этом вопросе, но и регулярно нарушало их. Их недовольство и размах контрабанды заставили папство вскоре пойти на уступки и отменить собственные постановления, ограничив лишь торговлю стратегическими товарами военного предназначения. Уровень прибыли для купечества всегда оказывался важнее крестоносной борьбы. Для получения максимальных торговых прибылей допустимыми, позволительными и моральными оказываются любые средства, даже нанесение прямого экономического ущерба своим же единоверцам. В отношении Кипра последним средством не раз пользовались и генуэзцы, и венецианцы, но никогда этого себе не позволяли купцы из других торговых городов Средиземноморья. К экономическим бойкотам прибегали только в исключительных случаях, ибо они больно ударяли по обеим сторонам. Вопрос был только в степени ущерба для обеих сторон конфликта. Экономика более сильной стороны была способна пережить экономический шок, найти альтернативы и достаточно быстро регенерироваться. Экономика более слабого партнера, в роли которого в отношениях с итальянскими морскими республиками всегда оказывалось Кипрское королевство, рисковала парализацией торговли и, как следствие, полным обрушением. Последнее обстоятельство расчищало прямую дорогу не только к затяжному экономическому, но и политическому кризису, выход из которого было найти непросто. Кипрские короли отдавали себе в этом отчет и поэтому, как правило, быстро шли на уступки и компромиссы. Другие торговые "нации" Средиземноморья, чья экономика не могла сравниться с генуэзской и венецианской, но могла пострадать не меньше кипрской от введения эмбарго, приносящего весьма сомнительный результат или остающегося вовсе безрезультатным, не позволяли себе воспользоваться этим инструментом для достижения привилегированных позиций на острове Лузиньянов. Даже генуэзцы и венецианцы, неоднократно громогласно заявлявшие о бойкотах, никогда не доводили дело до полной эвакуации своих граждан с острова. Экономический бойкот означал экономический шантаж более сильным более слабого, способного привести к полномасштабной войне. Последняя, как правило, не входила в планы обеих сторон, что заставляло слабого идти на уступки, а сильного соглашаться на

компромиссы. Введение экономически санкций против другого государства, таким образом, - удел сильнейшей экономики, способной выжить в их условиях, и никак не иначе.

Крестовые походы вызвали к жизни крупнейшую миграцию населения за пределы Европы за всю историю средних веков. Эта миграция была вынужденной и добровольной, экономической и политической, социальной и военной, религиозной и культурной, временной и постоянной. Все крестоносцы без исключения являются добровольными, политическими, военно-религиозными мигрантами: временными, т.е. возвратившимися назад после исполнения обета крестоносца, или постоянными, т.е. осевшими на Востоке и обретшими для себя здесь вторую родину. За крестоносцами-рыцарями потянулся большой шлейф торговцев разных мастей, постепенно вытеснявших собой рыцарский франкский элемент купеческим итальянским. Кипрское королевство пережил несколько волн вынужденных мигрантов, которые оказались на острове из-за политических проблем. Самая крупная из них латино-сирийская, несомненно, имела место после потери Иерусалимского королевства и всех латинских владений в Сирии и Палестине в 1291 г. Вторая, значительно более слабая греко-латинская приходится на момент завоевания Константинополя турками в 1453 г. Между этими крупными волнами имел место практически постоянный, но едва заметный поток вынужденных политических мигрантов из других захваченных турками областей Романии или культурно-политических мигрантов антипаламитов из Византии. Добровольных религиозных мигрантов-паломников Кипр принимал, размещал, охранял постоянно, выполняя предназначение государства крестоносцев. Прием большого числа вынужденных переселенцев приводил к сложнейшим социальным, политическим, экономическим и религиозным проблемам в королевстве. Тем не менее, Лузиньянам всегда удавалось с честью с ними справляться и исполнять свой долг христианских государей-крестоносцев до конца.

Итальянские купцы - мигранты экономические. Генуэзцы на Кипре всегда были в большей степени мигрантами, чем иммигрантами. Они не вживались в среду, не инвестировали средства и силы в кипрскую землю, в аграрную экономику, а всего лишь эксплуатировали колонию. Генуэзские земельные феоды не управлялись самими владельцами, а были предназначены для получения денежной прибыли. Вместо земли, генуэзцы с удовольствием приобретали в качестве феодов красильни и мастерские по производству тканей-камелотов, широко востребованных на международном рынке. Генуэзские земельные феоды не превратились в крупные плантации по выращиванию какой-либо культуры, например, сахара или хлопка, также активно приобретавшихся на рынке. Организация производства технических культур требовала капиталовложений, постоянного управления, взаимодействия с местной властью, выстраивания отношений с производителями из местных жителей. Генуэзцы не были склонны к долгим инвестициям с долгосрочной отдачей. Они выбрали быстрые деньги, краткосрочные инвестиции с быстрой окупаемостью, экстенсивную, техническую эксплуатацию земли без личного управления ею.

Генуя предпочла получить в свои руки наиболее доходный и отлаженный сектор кипрской экономки, финансовый и торговый узел Кипра - Фамагусту. Среди

генуэзцев был особенно высок престиж деловой активности, и в Фамагусте они создают невероятно демократичную среду в торговых делах. При уплате налогов вход на рынок - открыт для всех. Социальное происхождение или этническая принадлежность не имели никакого значения. Тем не менее, жесткие требования уплаты таможенных и торговых пошлин ко всем участникам рынка, недостаточная гибкость в отношениях с иностранным купечеством, свойственная когда-то Лузиньянам, не способствовали притоку населения в город, а скорее вели к медленному затуханию городской жизни и заставляли купечество искать обходные альтернативные торговые пути к египетским портам. Генуэзцы оказались для Фамагусты простыми колонизаторами, не склонными к инвестициям в развитие города. Они ничего не строили в нем, кроме военных укреплений, и практически ничего не производили. Они лишь экстенсивно эксплуатировали то, что досталось им в наследство от Лузиньянов. Все это способствовало постепенному превращению города скорее в крепость, чем в процветающий международный торговый центр региона.

При приеме на военную службу местного населения демократизм генуэзцев был скорее вынужденным. Завозить полностью гарнизон из Генуи с каждым годом оказывалось все труднее. За исключением высших чиновничьих и военных должностей: капитана, массариев, синдиков, кастелянов, членов оффиций, капралов, армигериев, - власти Генуи были вынуждены допустить частичное рекрутирование воинов из числа жителей различных областей Италии, самой Фамагусты и Романии. Удовлетворять все потребности колонии, как финансовые, так и военные за счет метрополии оказалось невозможно. В конце концов Фамагуста начала больше брать от центрального правительства, чем давать ему. Это не входило в планы последнего, и оно с легкостью передало колонию на баланс Банка св. Георгия. Он предпринял последнюю и небезуспешную попытку провести реорганизацию управления городом и повысить рентабельность рынка. Однако это происходило на фоне политического обострения отношений с кипрским королем и египетским султаном, стоившего, в результате, генуэзцам их кипрской колонии, а киприотам, соответственно, временного возвращения города короне.

Методы колонизации острова Венецией кардинально отличались от генуэзских. С самого начала появления на острове венецианцы озадачились освоением его аграрной периферии. Столкнувшись с противодействием Лузиньянов в этом вопросе, Венеция долго, терпеливо, медленно, осторожно, хитро и дипломатично врастала в кипрскую экономику, обзаводилась торговыми привилегиями, освобождалась от налогов, создавала поселения, проникала в финансы, опутывала долгами, завоевывала позиции при дворе, играла на политических интересах разных партий, интриговала, шантажировала экономически, тихо, но жестко давя на королей, ввергая их в выгодные для себя войны и сама умело выворачиваясь из них. В освоении Кипра дипломатического терпения и изворотливости Венеции было не занимать. Коренной перелом в отношениях с Лузиньянами произошел после кипро-генуэзской войны, когда Венеция стала, фактически, последней надеждой кипрских монархов в их экономическом и политическом противостоянии Генуе. Именно тогда

Адриатическая республика смогла в полной мере реализовать основной принцип своей колониальной политики на острове - освоить его аграрную сферу, обрести наиболее плодородные земли и наиболее доходные отрасли кипрского сельского хозяйства, наладив производство сахара, а потом и хлопка, создать поселения, на территорию которых королевские чиновники стали не вхожи. В отличие от генуэзцев, венецианцы были готовы инвестировать в кипрскую землю, демонстрируя тем самым свое желание и согласие превратиться в иммигрантов. Земля для венецианцев - это и мерило ценности, и символ богатства и благополучия, это и индикатор их политической власти и могущества. Поэтому при любом объеме торгового капитала на рынке Кипра земля оставалась для Венеции приоритетной целью ее политики на острове. В данном случае венецианцы мыслят и действуют как настоящие люди средневековья. Земля означает власть. Политика врастания в кипрскую землю, в конечном итоге, принесла свои плоды: над островом был поднят флаг св. Марка. Кипрское королевство в итоге уничтожила не война с мусульманами, генуэзцами или еще с кем-либо, а длительная, глубокая венецианская коррозия, разъевшая его изнутри.

В области коммерции Венеция прочно встроила рынок Кипра в торговый треугольник: Фамагуста, Дамаск, Александрия, - и показала, как всегда, свои непревзойденные никем дипломатические способности выстраивать отношения с любой местной властью, обеспечивая, таким образом, для граждан максимум возможностей на восточных рынках. Без Фамагусты не было полной коммерческой свободы венецианцев во всем регионе. В связи с этим Венеция приложила максимум усилий, подталкивая кипрских монархов к возвращению города короне. Однако это должно было произойти только оружием кипрского монарха без видимого участия ее самой. Военного столкновения с Генуей из-за острова Лузиньянов Венеция себе не позволяла. В то же время правительство республики всячески поддерживало частные инициативы своих граждан в оказании услуг и кредитования местных правителей, их обустройство при дворе, освоение аграрной периферии и проникновение в местные экономические и политические структуры, поощряло их миграцию на Восток, в том числе и на Кипр, извлекая собственные выгоды.

Эпоха Ренессанса вызвала к жизни живейший интерес европейцев, прежде всего итальянцев, к античной культуре. Латинские государства Востока, существовавшие на греко-византийской земле, автохтонное население которых хранило эллинскую культуру, во многом способны были удовлетворить любознательность итальянских гуманистов. Кипрское королевство было одним из этих государств. С подъемом интереса к античной истории и культуре появляется такой феномен как культурная миграция. Причем, этот процесс оказался двусторонним. Итальянские путешественники прибывали на Кипр в поисках древностей, артефактов, рукописей. Италия привлекала киприотов своей наукой, образованием, культурным прогрессом. Кипрское общество, как и европейское, крайне нуждалось в специалистах, особенно в области юриспруденции и медицины. Поскольку на Кипре не было своего университета, ведущим центром образования для молодых киприотов с конца XIV в. и вплоть до завоевания острова турками в 1570 г. стал университет Падуи. Старшие поколения киприотов стали

проявлять склонность к меценатству, донаторству, собиранию книжных коллекций, заботе об образовании подрастающих поколений. Кипрская элита старалась идти в ногу с модными направлениями в современной культуре, будь то живопись, музыка, литература, собирание библиотек, театр, образование или одежда. Изысканная, роскошная утонченная, интеллектуальная, музыкальная среда Кипра, тем не менее, оказалась очень замкнутой и закрытой, исключительной привилегией короля и его двора, нацеленного не на созидание, а на потребление. Кипрская элита становится именно активным потребителем достижений европейской науки и искусства. Одновременно Кипр с его необыкновенным эллино-византийским и сирийским ароматом вносил неповторимые ноты в творчество европейских мастеров. Лузиньяны, с одной стороны, имитировали двор византийских императоров, с другой – прививали у себя придворную культуру итальянских сеньорий, с которыми имели более активные контакты, чем с исторической родиной. Процесс взаимопроникновения и взаимодействия культур, имевший место на Кипре, межцивилизационный диалог привели к имманентной гибридности всех культурных конструкций. Эти процессы не призваны создавать что-то оригинальное, но скорее приспосабливать чужое к своему. Это новый взгляд на старое и уже существующее, мотивированная капитализация собственного интереса к другим культурам. Процесс синтеза культур прошел на Кипре все стадии развития и пришел к его логическому завершению. Результатом этого синтеза стало появление весьма специфической кипро-левантийской культуры и кипро-левантийского общества.

Основные положения работы, выносимые на защиту

1) Оценка роли королевства Кипр в истории крестоносного движения. Место королей Кипра, участвовавших в крупных европейских крестовых походах. Изменение отношения кипрских монархов к европейским крестоносцам после Четвертого крестового похода, заставившим правящую кипрскую династию самим заботиться о собственной безопасности и строить внешнюю политику, опираясь прежде всего на финансовую и военную помощь итальянских республик Геную и Венецию. За эту поддержку итальянцы получали торговые и административные привилегии на острове при жестком контроле местных властей их предпринимательств.

2) Специфика эволюции крестоносного движения, которое в период позднего средневековья становится более локальным, целенаправленным, значительно менее многочисленными, чем в классическую эпоху, с четко выраженными задачами и функциями, среди которых преобладает защитная и экономическая. Разворот крестовых походов против турецких государств Малой Азии. Концентрация внимания на том, что идея священной войны и отвоевания Святой Земли становится лишь риторическим приемом для привлечения помощи извне и идеологического обоснования необходимости кратковременной и целенаправленной экспедиции.

3) Изменение взгляда крестоносцев на Египет на примере кипро-египетских отношений середины XIV в. и начало агонии классической крестоносной идеи.

Выдвижение на первый план экономической функции крестовых походов позднего средневековья, когда с мусульманскими соседями обычно предпочитали договариваться и торговать; воевали с ними без особого энтузиазма, но при необходимости профессионально. Только международная и посредническая торговля при максимальной активности итальянского купечества на кипрском рынке питала казну королевства и была залогом его экономической и политической силы.

4) Проблема миграций, вызванных крестовыми походами. Выделение разных вариантов миграций и категорий мигрантов от беженцев до добровольных мигрантов-купцов. Поскольку причины их миграции на Кипр были различны, различными оказываются и их цели и отношение к ним местной власти: от обязанности оказать помощь единоверцам до осторожности, недоверия и политики сдерживания предприимчивости итальянцев в королевстве.

5) Торговые войны как феномен эпохи крестовых походов. Степень их политического воздействия на власть, против которой они направлены, и степень экономических потерь от их применения для каждой из противоборствующих сторон на примере истории Кипра.

6) Особенности политики Генуи и Венеции на Кипре; общее и различия в способах достижения целей. Главной задачей обеих республик было обеспечение бесперебойной, льготной и масштабной торговли на рынках острова. Однако необходимо подчеркнуть, что для Генуи важен был только рынок, а Венеция поставила своей задачей присоединить к своим владениям весь остров. Для ее решения Венеция избирает политику перманентной миграции граждан республики на остров и медленного освоения аграрной периферии острова. Генуя предпочла присоединить к своим заморским владениям только кипрский порт Фамагусту.

7) История генуэзской колонии в Фамагусте в контексте типологии средневековых городов. На основании документов Государственного архива Генуи выделение деталей организации управления, обороны, жизни и рынка в Фамагусте.

8) Характер кипрской культуры и особенности ее развития в эпоху королей династии Лузиньянов. Синкретичность, гибридность кипрской культуры, вобравшей в себя западноевропейские, византийские, сирийские и даже арабские традиции. Постановка проблемы взаимодействия культур и формирование кипро-левантийского общества. Выявление ренессансных элементов и тенденций в культуре Кипра, выразившихся в контактах кипрских королей и интеллектуалов с итальянскими гуманистами, в собирательстве библиотек, переписывании рукописей греческих, византийских и латинских авторов, в развитии образования разных уровней. Проблема культурной миграции киприотов в Италию как выражение обратных связей Кипра с Европой.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Монографии по теме диссертации

1. Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192-1373). Москва: Изд-во МГУ, 1994. 192 с.

2. Близнюк С.В. Крестоносцы позднего средневековья: король Кипра Пьер I Лузиньян. Учебное пособие. М: МГУ, 1999. 144 с.
3. Bliznyuk S.V. Die Genuesen auf Zypern. Ende 14. und 15. Jhd. Publikation von Dokumenten aus dem Archivio Segreto in Genua. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2005. XVI + 410 pp.
4. Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб: Алетейя, 2014. 278 с.

Научные публикации в изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной комиссией

5. Близнюк С.В. Рецензия на книгу: Kyrris C.P. History of Cyprus. Nicosia, 1985 // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 212-213.
6. Близнюк С.В. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений. // Средние века. 1990. Т. 53. С. 191-203.
7. Близнюк С.В., Богданова Н.М., Пономарев А.Л., Шукуров Р.М. Хроника научной жизни. XVIII Международный конгресс византиноведческих исследований. // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. 1992. N 4. С. 56-76.
8. Бибиков М.В., Карпов С.П., Богданова Н.М., Близнюк С.В., Шукуров Р.М. XVIII Международный конгресс византинистов // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 207–219.
9. Близнюк С.В. Рецензия на кн: Ilieva A. Frankish Morea: Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens, 1991 // Византийский временник. 1996. Т. 56.
10. Близнюк С.В. Рецензия на книгу: Карпов С.П. Путями средневековых мореходов. М., 1994 // Византийский временник. 1996. Т. 56.
11. Близнюк С.В. Цена королевских войн на Кипре в XIV-XV вв. // Византийский временник. 59 (84) (2000) 86-96.
12. Близнюк С.В. Рецензия на книгу: Otten-Froux C. (publ.) Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le sindicamentum de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459). Nicosia, 2000. 305 pp. // Византийский временник. 2005. Т. 64 (89). С. 285-289.
13. Близнюк С.В. Дипломатические отношения Кипра и Генуи 1375-1480 гг. по данным генуэзских юридических документов: ASG, Diversorum Communis Janue. // Византийский временник. 66 (91) 2007. 208-222.
14. Близнюк С.В. От праздника к войне // Византийский временник. 2009. Т. 68 (93) С. 91-107.
15. Близнюк С.В. 1489 г. Чей Кипр: венецианский или египетский // Вестник МГУ. Серия Востоковедение. 2010. N 3. С. 42-57.
16. Близнюк С.В. Крестовые походы в древнерусской литературе: Кипр на пути от Константинополя к Иерусалиму // Российский исторический журнал "Родина". 2010. Специальный выпуск, посвящённый 50-летию независимости Республики Кипр "Россия - Кипр: дружба, проверенная временем". 2010. С. 74 – 80.
17. Близнюк С.В. Киприоты эпохи Лузиньянов // Российский исторический журнал "Родина". 2010. Специальный выпуск, посвящённый 50-летию независимости

Республики Кипр "Россия - Кипр: дружба, проверенная временем". 2010.С. 104 – 112.
18. Карпов С.П., Грацианский М.В., Захарова А.В., Близнюк С.В. XXII Международный конгресс византийских исследований (София. 22-27 августа 2011 г.) // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 348-360.
19. Близнюк С.В. Фамагуста начеку: военные ресурсы генуэзской колонии на Кипре. 1373-1464 гг. // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94) С. 58-75.
20. Близнюк С.В. Гуго IV Лузиньян – новый крестоносец "нового" средневековья // Византийский временник 2013. Т. 72 (97) 125-146.
21. Близнюк С.В. Что читали киприоты в 14-15 вв. // Византийский временник 2015. Т. 74 (99). С. 148-162.

Другие научные публикации по теме диссертации

22. Bliznyuk S.V. Die Geographie der Handelsbeziehungen Zyperns im XIII-XIV Jhd. // Byzantiaka, 1992. T 12. P. 229-245.
23. Bliznjuk S.V. Genovesi e Piemontesi a Cipro (XIII - all'inizio XIV secoli) // Dai feudi monferrini e dal Piemonte ai Nuovi Mondi oltre gli Oceani. Atti del Congresso internazionale. Alessandria, 1993. T. . P. 307-317.
24. Bliznyuk S.V. Makhairas Leontios // Lexkon des Mttelalters. 1993. Bd. VI. S. 58.
25. Bliznjuk S.V. Die Venezianer auf Zypern im 13. und in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts.) //Byzantnische Zeitschrift. 1991/1992. Bd. 84/85. Heft 2. S. 441-451.
26. Bliznyuk S.V. Taxation of Trade in Cyprus in the 13th to the First Half of the 14th Centuries // Actes of the XVIIIth International Congress of Byzantine Stidies. Moscow, 1991. Shepherdstown, USA, 1996. Vol. I. P. 65-71.
27. Bliznyuk S. I medici e loro arte negli Stati crociati d'Oriente // Oriente e Occidente tra Medioevo ed Eta Moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / a cura di L.Balletto. Genova, Aqui Terme: Glauco Brigati, 1997. P. 83-97.
28. Bliznyuk S.V. "La dolce vita" dei Genovesi a Cipro nel XV sec. // Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI-XVI). N. 1. / a cura di G.Airaldi. Genova, 1998. P. 117-126. Atti del Congresso internazionale (Genova, aprile 1994).
29. Bliznjuk S. Genovesi a Costantinopoli ed Adrianopoli alla metà del XV secolo in base a documenti dell'Archivio di Stato di Genova // Byzantinische Zeitschrift. 1997. Bd. 90. Heft 1. P. 13-23.
30. Bliznyuk S.V. The Crusaders of the Later Middle Ages. The King of Cyprus Peter I Lusignan. // The Crusades and the Military Orders: Expanding the frontiers of medieval latin christianity. Budapest 2001, P. 51-57. (Acts of the International Congress “Military Orders and the Crusades.” Budapest, 1999.)
31. Bliznyuk S.V. Review: Thomas F. Madden, A Concise History of the Crusades. Lanham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman and Littlefield Publishers 1999. 249 pp. // Byzatinische Zeitschrift. 2001. Bd. 94. Heft. 2. S.730-732.
32. Bliznyuk S. Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV-XV secc.) // Südost-Forschungen 59/60 (2000/2001) 99-124.
33. Bliznyuk S.V. Che bello vivere a Oriente: il commercio alla veneziano a Cipro e Damasco nel XV secolo. // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII-XV secolo). Venezia, 2002. P. 349-363.

34. Bliznyuk S.V. Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd. // Επετηρήδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών. XXXI. Nicosia, 2005. P. 109-125.
35. Близнюк С.В Венецианцы на Кипре в XIII – первой половине XIV в. // Bulgaria Pontica Medii Aevi. IV-V. София: Гутенберг, 2006. С. 295-304.
36. Bliznyuk S. L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo. // Quatra Crociata. Venezia – Bizanzio – Impero Latino. Venezia, 2006. P. 653-662.
37. Bliznyuk S.V. Diplomatic Relations between Cyprus and Genoa in the Light of the Genoese Juridical Documents: ASG, Diversorum Communis Ianue, 1375-1480. // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000-1500: Aspects of Cross-Cultural Communication. Nicosia, 2007. P. 275-292.
38. Bliznyuk S.V. Cypriots in Europe in the XIV-XVth centuries // Proceedings of the 22 an International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22-27 August 2011. P. 247.
39. Actes de Famagouste du notaire génois Lamberto di Sambuceto (décembre 1299– septembre 1300) // Mediterranean Historical Review. 29 issue 1. 2014. P. 92-94.
40. Близнюк С.В. Купечество Кипра в конце XIII - начале XIV вв. (Этническое происхождение и социальный состав) // Социальные группы традиционных обществ Востока. Москва, Наука, 1985. Часть 1. С. 64-83.
41. Близнюк С.В. Торговля хлопком на Кипре в конце XIII - начале XIV вв. // Количественные методы в изучении истории стран Востока. Москва, Наука, 1986. С. 137-153.
42. Близнюк С.В. Торговая политика государства Кипр в XIII-XIV вв. // Четвертая Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы докладов. Москва, Наука, 1986. Часть 1. С. 19-20.
43. Близнюк С.В. Международная торговля на Кипре в 1192-1373 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1990. С. 1-20.
44. Близнюк С.В. Хронологическая таблица // История средних веков. Учебник для вузов под ред. З.В.Удальцовой, С.П.Карпова. Москва, Высшая школа, 1990. Т. 1. С. 487-492.
45. Близнюк С.В. Торгово-экономические отношения Кипра с государствами Средиземноморья в 1192-1373 гг. // Византия, Средиземноморье, Славянский мир. Москва, Изд-во МГУ, 1991. С. 50-81.
46. Близнюк С.В. Рецензии на книги: Servodio Peccator, notaio in Venezia e Alessandria d'Egitto 1444-1449) / a cura di F.Rossi. Venezia, 1983. Ambasciata straordinaria al soltano d'Egitto (1489-1490) / a cura di F.Rossi. Venezia, 1988. // Византия, Средиземноморье, славянский мир. Москва, Изд-во МГУ, 1991. С. 183-188.
47. Близнюк С.В., Богданова Н.М., Пономарев А.Л., Шукуров Р.М. История Византии в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, 1980-1990 // Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований. Москва, 1991. С. 9-35.
48. Близнюк С.В. Налогообложение торговли на Кипре в XIII-первой половине XIV вв. // XVIII Международный конгресс византинистов. Москва, август, 1991 г. Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 142-143.

49. Близнюк С.В. Сладкая жизнь генуэзцев на Кипре в XIV-XV вв. // Причерноморье в средние века / под ред. С.П.Карпова. М: Изд-во МГУ, 1995. Вып. 2. С. 37-57.
50. Близнюк С.В. Этно-культурные отношения киприотов в XIII-XV в. // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 261-270.
51. Российская византинистика. Ежегодная библиография. Byzantinische Zeitschrift. 1995-2001. Bibliografische Notizen.
52. Близнюк С.В. Генуэзцы в Константинополе и Адрианополе в середине XV в. // XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. Abstracts. Nr. 3124.
53. Хронологическая таблица // История средних веков. Под ред. С.П.Карпова М., 1997 (Repr.1998, 2005).
54. Близнюк С.В. Греко-латинское взаимодействие на Кипре в 13-15 вв. // Византия. Кумуляция и трансляция культур. Екатеринбург, 1997. С. 8-9.
55. Близнюк С.В. Кошелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в. // Причерноморье в средние века. Под ред. С.П. Карпова. Вып. 3. Спб, 1998. С. 126-144.
56. Ассизы Иерусалима и Кипра. Перевод глав из “Ассиз Высшего суда” и “Ассиз Суда горожан” С.В.Близнюк // Антология юридической мысли. М: Мысль, 1999. Т. 2. С. 591-595.
57. Близнюк С.В. Городской пейзаж Фамагусты в XIII-XIV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Феномен средневекового урбанизма. Под ред. А.А. Сванидзе. Москва: Наука, 1999. Т. I. С. 363-368.
58. Близнюк С.В. Генуэзская Фамагуста в XV в. // Причерноморье в средние века. Вып. 4. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 219-275.
59. Близнюк С.В. Город и горожане в государствах крестоносцев на Востоке. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А.А. Сванидзе. М: Наука, 2000. Т. 2. С. 195-216
60. Близнюк С.В. Иностранцы на службе кипрских королей первой половины XIV в. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2001. С. 274-286.
61. Близнюк С. В. Предисловие к русскому изданию Ж. Ришара. // Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб, 2002. С. 9-15.
62. Близнюк С.В. Первый гуманитарный фонд Пьетро ди Кафрано на Кипре. (1393-1570) // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова. М., 2009. С. 107-138.
63. Близнюк С.В. Кипр и турецкая угроза: новая философия крестоносного движения // Причерноморье в средние века. Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 174-201.
64. Кипр // БРЭ. Москва, 2009. С. 731-733.
65. Кипрское королевство // БРЭ. Москва, 2009. С. 735.
66. Близнюк С. В. «Репортаж» из Дамаска и Святой Земли венецианцев Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле (1588 г.) // Homo viator. Под ред. А.В. Толстикова, И.Г. Галковой. Москва, 2010. С. 103-114.

67. Близнюк С.В. Кипр [Период правления династии Лузиньянов (1192-1489) и венецианцев (1489-1570/71)] // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33. С. 592-595.
68. Близнюк С.В. Кипрская православная церковь [Кипрская Православная Церковь в период правления Лузиньянов и венецианцев] // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 34. С. 21-25.
69. Близнюк С.В. Миграция венецианцев на Кипр в XIII-XV в. // Россия и Германия. 2012 (2) С. 12-16.
70. Близнюк С.В. Венецианские мигранты и иммигранты на Кипре в XIV-XV вв. // Причерноморье в средние века / под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2015. Вып. 9. С. 109-126.
71. Близнюк С. В., Наумов Н. Н., Панфилов Ф. М., Попов И. Н., Портных В. Л., Стрелецкий А. В. Крестовые походы // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 565-590.